Город Ульяновск. Памятник Владимиру Ильичу Ленину. Фото Н. Рахманова

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 47 (4172) | Вторник, 19 апреля 1960 г. | ЦЕНА 40 КОП.

ОТКРЫТИЕ СДЕЛАНО. А ДАЛЬШЕ?

НОВОМУ — ШИРОКУЮ ДОРОГУ

Много читательских откликов получила наша редакция на опубликованную в «Литературной газете» 18 февраля с. г. беседу с заместителем председателя Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР В. А. Поповым. В беседе были затронуты вопросы, волнующие новаторов, изобретателей, рационализаторов. Но многих читателей не удовлетворили разъяснения тов. Попова. Они считают, что надо начать большой разговор о создании максимально благоприятных условий в этой семилетке для активного и широкого внедрения нового во все отрасли социалистического производства.

Обсуждение проблем изобретательства и новаторства на страницах печати ведется из года в год, что значительно помогло уже ускорить процесс осуществления новаторских идей. В минувшем году внедрено в народное хозяйство более двух миллионов изобретений и рационализаторских предложений. И все же многие важные новаторские замыслы осуществляются медленно; внедрение их недопустимо затягивается.

Почему это происходит? Что сделать для того, чтобы создать в нашей стране самые благоприятные условия для технического прогресса? Этот вопрос мы и предлагаем читателям обсудить на страницах нашей газеты.

Публикуемая сегодня статья В. Карасева открывает это обсуждение.

Владимир КАРАСЕВ,
председатель Совета новаторов Ленинградского совнархоза

ТАК УЖ сложилось, что разговор о новаторах, о внедрении их открытий не получается спокойным, бесстрастным. И понятно почему. Новое, чтобы победить, должно вытеснить старое. А старое нелегко сдается. Лично я не знаю ни одного такого примера, когда бы человек, десятилетиями придерживавшийся каких-либо взглядов, которые он почерпнул из учебников, а потом всю жизнь развивал и преподавал другим, сразу же отказался бы от своих взглядов, протянул руку новатору и сказал от чистого сердца:

— Поздравляю вас, дорогой товарищ. Спасибо за то, что глаза мне открыли. Полвека учу людей, и, оказывается, не тому, чему надо. Давайте, миленький, вместе внедрять ваше замечательное открытие.

В жизни старое так легко не сдается. И если кому-либо иной раз кажется, что в нашем социалистическом государстве чересчур часто и резко говорят о консерватизме и рутинерах, то происходит это лишь потому, **что наша жизнь порождает много нового и на очень широком фронте.** Новое рождается не только в лабораториях ученых, в конструкторских бюро, но и в поисках пытливых советских рабочих.

В одних случаях новатор сокращает сроки плавки стали, в других — бурит нефтяную скважину со скоростью, втрое, вчетверо превышающей общепринятую, либо создает инструмент, многократно повышающий производительность труда. Все эти находки, может быть, и не выглядят так эффектно, как изобретение новых машин и технологических процессов, но зато им нет числа. Если подсчитать, сколько экономии может получиться при массовом их внедрении в производство, то составятся многие миллиарды.

Никто не оспаривает этого. И все же открытия новаторов внедряются у нас медленно, на обидно узком фронте. Я хочу привести пример из близкого мне искусства резать металлы. Здесь я более сведущ, и, признаться, уж очень много накипело на душе.

В 1953 году известный не только в нашей стране, но и за рубежом ленинградский фрезеровщик-новатор, ныне депутат Верховного Совета РСФСР тов. Леонов предложил концевую фрезу новой конструкции. Чудо-фреза! Она вдвое, втрое повышает производительность в сравнении с той фрезой, которую рекомендует государственный стандарт. Вдвое, втрое! Это же настоящий переворот. В 1957 году появляется уже новая фреза, превосходящая леоновскую по производительности опять же в два-три раза.

Казалось бы, зеленую ей дорогу. Но случилось не так.

Есть мудрая китайская поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Новаторы производства даже говорят: «Лучше один раз увидеть, да еще и пощупать, чем сто раз услышать».

Новатор сделал интересное открытие. Допустим, его открытие сразу же заметили. Появились сообщения о нем в печати, по радио, издали инструкцию и даже брошюру, популяризирующую открытие. Это, конечно, хорошо. И все же вот такая форма словесной пропаганды мало что дает. Почему? Думаю, что далеко не последнюю роль играет здесь то, что действительно лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать или прочитать. Представьте теперь душевное состояние новатора. Новый резец у него не в чертеже, а реальный, живехонький. Каждодневно пользуясь им, он убеждается, что таким резцом чудеса можно сделать. А на тысячах и тысячах предприятий продолжают работать по старинке. Почему? Не верят книжечкам или просто не знают? И собирается новатор в путешествие по заводам. Он хочет убедить людей, наглядно показать им, что дает его достижение. Намерение, безусловно, похвальное, но часто новатору приходится выступать в роли того самого иллюзиониста Кио, который льет в цилиндр воду, а оттуда вылетают голуби.

Приезжает такой новатор на завод, торжественно входит в цех, вытащит из кармана завернутый в тряпочку резец, да и начинает вкалывать рекорды. У зрителей зрачки от удивления расширяются: «Как это он так?.. Фокусник!» Потом просят разрешения пощупать «волшебный инструмент». А наш новатор с опаской поглядывает, как он переходит из рук в руки. Резцов-то у него один-два и обчелся. Не дай бог пропадет. Придется прекратить гастроли. Но вот представление кончилось, новатор прячет свой резец и едет дальше. А на заводе остается, так же как и после фокусов Кио, приятное воспоминание.

Недавно в составе бригады Государственного научно-технического комитета Совета Министров РСФСР мне пришлось объехать десятки предприятий нескольких экономических районов, чтобы внедрить там новую фрезу. Мы не хотели уподобиться гастролерам и взяли с собой большую партию фрез (их удалось изготовить с помощью директора Кировского завода тов. И. Исаева). Сложили фрезы в чемоданчик, и такой он получился внушительный, что только самый «могучий» член бригады Николай Назаренко мог его поднять.

Вот с таким чемоданчиком поехали мы на предприятия Московского областного совнархоза. Мы не только показывали, как работает наша фреза, но и оставляли ее. Добились мы специального постановления совнархоза о запрещении изготовлять старые фрезы и переходе на новые. А когда мы уезжали из Москвы на предприятия Куйбышевского совнархоза, то снова увозили с собой тяжелый чемодан с фрезами, но уже изготовленными в Московской области. Так побывали мы на предприятиях нескольких совнархозов. Сделали немало. Но лучшая ли это система внедрения новаторских открытий?

Не думаю. Пять месяцев разъезжала наша бригада. Пять месяцев несколько новаторов были оторваны от своего прямого дела. Правильно ли это? Неправильно. Нельзя это делать. Есть, к сожалению, немало примеров, когда талантливый новатор, отрываясь на долгие месяцы от своего коллектива, увлекается кочевой жизнью — гастрольными поездками, в течение которых ему выплачивают, помимо среднего заработка, командировочные, а в иных случаях и гонорар за выступления.

Не лучше ли организовать дело по-иному? Создал новатор что-то хорошее. Почему бы не направить к нему грамотных, опытных рабочих (не обязательно новаторов), пусть научит их работать по-новому, с тем, чтобы они стали инструкторами по внедрению новшества на своих предприятиях. Недавно я обратился в Ленинградский обком комсомола с просьбой принять шефство над внедрением нашей фрезы. В ближайшее время ко мне прикрепят шестьдесят молодых рабочих. Я обучу их, и они станут вот такими инструкторами.

Шаг вперед. И все же он не решает проблемы в широком плане, так, чтобы оправдавшее себя новшество внедрялось повсеместно, планировалось

(Окончание на 2-й стр.)

Вас. ЗАХАРЧЕНКО

Великая сила примера

Дневник писателя

БЫЛО ЭТО чуть больше недели тому назад. Поезд мчался из Буффало в Нью-Йорк со скоростью 120 километров в час. Мы сидели под застекленным куполом вагона, который здесь называют «обзервейшн вэген». Собеседниками нашими были американцы, тесно набившиеся в этот удобный вагон для того, чтобы смотреть на советских людей, разговаривать с ними о настоящем и будущем.

Плотный широкоплечий гигант с тяжелой сигарой во рту и с легкой бабочкой на могучей шее — инженер фирмы, выпускающей моторные катера, — говорил глухим басом:

— Черт возьми, я первый раз вижу русских. Вы хорошие ребята. Это я понял сразу после поездки Хрущева.

Он тянул к нам здоровенные ладони и энергично стискивал наши руки.

— Нам, американцам, нужен пример, тогда мы верим. Сила примера — великая сила. Ты нам покажи, а потом доказывай...

И он басовито, чуть восторженно, как все американцы в эти дни большого потепления на земле, говорил нам о спутниках и о Луне, говорил об удивительном «открытии» американцами России.

Из бесчисленных разговоров, которые мы вели за какие-то полмесяца на американской земле, из тысячи вопросов, умных и недоуменных, по-детски наивных, а порою и язвительных, перед нами все четче и четче, как фотография, медленно рождающаяся в ванночке с проявителем, проступало подлинное лицо трудовой Америки.

Сила примера... Это она является сейчас решающим и самым активным началом в мирном соревновании между странами. Это она — убедительнейшее доказательство нашей правоты. Это она, подобно весеннему ветру, надувает паруса человеческих отношений в мире, ищущем взаимопонимания, ясности и спокойствия.

Одна из студенток Нью-йоркского университета настойчиво выспрашивала:

— Советские, скажите, вот я о бригадах коммунистического труда услышала, — так что же это, уже коммунизм?

Мы улыбались наивности вопроса и радовались его трепетному существу.

Коммунистический труд... Действительно, слова-то какие! И не у нас только они сегодня на языке. Их с удивленным волнением произносит молодая американка. Да она ли одна?

ОСЕНЬЮ прошлого года я разговаривал с Федором Максимовичем Солодовым, он старый пенсионер, бывший кремлевский курсант, защитник революции. Он рассказывал о тех далеких днях, когда рождались коммунистические субботники.

— Было это утром 1 мая 1920 года. Нас построили на Кремлевском плацу. Мы собрались на первомайский субботник в Кремле. Внезапно около строя показался Ленин. Он спросил:

— Где мне встать, товарищи?

— Владимир Ильич, а вы тоже будете работать с нами?

— Для этого я и пришел сюда.

Мы разбились на группы, рассказывает Солодов, и начали работать. Носили щебень, перетаскивали бревна. Ильич был вместе с нами. Курсанты хотели облегчить работу Ленина.

—Разрешите мне, я моложе,—сказал один из них Ильичу.

Ленин рассмеялся: «Вот вы и не спорьте со мной, если я старше». Так работал Ленин в этот памятный день, подавая всем нам пример трудолюбия.

Великая сила примера... Через подвиги ударников, новаторов труда выросло передовое движение семилетки — бригады коммунистического труда,— бригады, которые волнуют сознание людей, стремящихся нас познать. Познать и советского человека, и советскую экономику.

Сейчас, когда план ГОЭЛРО перевыполнен в десятки раз, когда весь мир с уважением говорит о крупнейших гидростанциях, возведенных на крупнейших реках России, мы с обостренным трепетом ощущаем всепроникающую идею Ленина об электрификации России. Великая сила примера родилась в те дни. И вот она во всем торжествующем величии развернулась перед нашими глазами.

В своей речи на Всесоюзном совещании по энергетическому строительству в ноябре 1959 года Н. С. Хрущев говорил:

— Экономическая сторона строительства коммунизма — то, что Ленин выразил словами «плюс электрификация всей страны», приобретает все большее значение, я бы сказал, решающее значение на данном этапе.

ВЕЛИКАЯ сила ленинского примера встает перед нами на каждом участке жизни. В прошлом году я проезжал по хорошо известной мне дороге из Курска в Москву. Я знал эту дорогу со времен, когда здесь, на Курской дуге, шла гигантская битва. В этот раз я не узнавал дороги. Четырехгранные призмы вышек поднимались в небо. Унизанные огнями, они казались поразительной иллюминацией в степи, изрытой осколками ржавого металла, — степи, еще не позабывшей прошлое, но уже отданной будущему.

— Курская руда, — обыденно произнес мой спутник. — Кладовая семилетки.

Сорок лет тому назад сюда был устремлен взгляд Ильича. Он в громаде дел выбирал время на то, чтобы специально заниматься вопросом, ныне переросшим из стадии изучения магнитной аномалии в планово-организованное предприятие по производству железной руды. Еще и еще раз задумываешься о глубине ленинского проникновения в завтра. И как масштабно решается нами эта проблема!

Спутник сопровождает ныне все наше советское: нашу жизнь, нашу технику, наши достижения и даже наши идеи. Не зря разбитной коммивояжер, проникшийся откровенным доверием к советским людям — он пел нам американские песенки и даже пытался танцевать вприсядку,— говорил:

— Вы ошарашили меня в Брюсселе. Три спутника Земли — один поднятый к потолку, другой, устремленный в зенит, и третий, поставленный на лапы антенн. А за ними я увидел бронзовую скульптуру Ленина. Я понял — иначе и не могло быть. Мы, деловые люди, привыкли увязывать разные вещи. Мы понимаем: это от Ленина...

Гордостью наполнялось сердце, и не потому, что «космический автомобиль» еще полосовал в те дни автострады своей орбиты, но потому, что даже торговый люд Америки начал понимать истоки успехов советских спутников.

К ЧЕМУ БЫ мы ни прикоснулись сегодня, перед нами вяще и зримо встают фигура Ленина, ленинская мысль и завтра, начертанное им. Документы и решения XX и XXI съездов партии явились примером творческого развития великой науки современности—марксизма-ленинизма. Этой наукой во всей ее диалектической ясности руководствуются коммунистические и рабочие партии, ее воспринимают лучшие представители человечества. Эту науку, еще не понимая, интуитивно ощущают люди, которым тесно жить в дряхлеющем мире капитализма, отягощенном всеми его пороками. Эта наука стучится в сердца беспокойных людей, заставляя их задумываться в поисках логической закономерности движения общества к человеческому счастью.

— Что такое коммунизм? — спрашивали нас фордовские инженеры в Дирборне.

— В чем секрет ваших успехов? — допытывались студенты Чикаго.

Ленинское учение строго и безошибочно доказывает неизбежность победы коммунизма. Ни апологеты капиталистической прессы, ни их хозяева, рядящиеся ныне под «народный капитализм» и даже надевшие потертые пиджачки с масляными пятнами на лацканах,— лишь бы доказать хоть этим свою близость к трудовому классу, — не в состоянии повернуть вспять ход истории. Будущее принадлежит коммунизму. Это — по Ленину. Это — правда!

Великим счастьем для нашей планеты явилось то, что 90 лет назад возле полноводной русской реки родился простой русский человек, которому щедрой природой и человеческим обществом был дан редчайший гений осмыслить вперед на века тревожную жизнь нашей планеты. Этот человек уже давно видел мысленно то, что происходит сейчас. Великим примером своей жизни, пламенной мыслью своей он дал нам ясную силу и светлую уверенность в нашей правоте. Его имя— Ленин. Это имя человечество будет славить вечно.

ДУХОВНЫЙ МИР ГОРЦА

ПОРА ЦВЕТЕНИЯ

Расул ГАМЗАТОВ

ПОМНИТЕ эпизод из «Хаджи Мурата»: в Тифлисе адъютант Воронцова вместе с героем повести идет на представление итальянской оперы? Не привыкший к такого рода зрелищам, Хаджи-Мурат после первого акта «встал и, спокойно оглядывая зрителей, вышел, обращая на себя внимание всех зрителей». Это был первый дагестанец, посетивший театр!

До революции в Дагестане не было ни одного национального театра, ни одного артиста. В дни декады москвичи горячо аплодировали актерам аварского, кумыкского, лезгинского, лакского драматических театров, их яркому, самобытному искусству.

В годы Советской власти в стране гор появились свои драматурги и сценаристы, профессиональные композиторы и художники. Зарождение новых видов искусства, новых профессий тесно связано с благотворным влиянием русской культуры, ее передовых представителей. Особенно повезло нам, писателям.

О свободолюбивых горцах писали А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. С Дагестаном было связано творчество А. А. Бестужева-Марлинского, А. Полежаева и других видных русских писателей. Многие советские литераторы побывали в стране гор и воспели ее в своих произведениях.

Недавно я написал стихотворение «Марьям», посвященное русской учительнице Марии Ивановне. Ей, жительнице Калуги, полюбились стихи классика аварской литературы Махмуда, и она приехала работать в отдаленный дагестанский аул — на родину знаменитого поэта.

Марию Ивановну жители аула любовно прозвали Марьям, по имени возлюбленной Махмуда, которую он постоянно воспевал в стихах, но с которой так и не смог соединить судьбу.

В большой душевной щедрости русских людей мы еще раз убедились в дни декады. Здесь, в Москве, мы не чувствовали себя гостями, приезжими. Москва стала для нас вторым домом.

Серьезный, большой разговор состоялся у нас в дни декады. За яркие, самобытные краски нас хвалили, за бледность — критиковали. И это хорошо. Ведь не бранят только маленьких детей! Значит, мы, дагестанские писатели, повзрослели, литература наша окрепла и возмужала, значит, с нами говорят, как с равными, спорят. А в спорах, как известно, рождается истина.

В 1945 году я впервые переступил порог московского Литературного института. Тогда, на первом курсе, я воображал себя законченным поэтом, через год такой самоуверенности уже не было, а на третьем курсе пришло убеждение: все, что сделано, — не то, надо начинать сначала. Не в горах Дагестана, где рождались мои первые песни, а здесь, в Москве, я стал поэтом. Этому немало способствовали мои учителя, прежде всего — замечательные русские поэты Н. Тихонов и В. Луговской. Они помогли мне по-новому увидеть мой родной Дагестан, заметить то, на что я раньше не обращал внимания, помогли по-настоящему полюбить свой край.

Открывая литературную часть нашей декады, Н. Тихонов напомнил, что именно здесь, в Колонном зале Дома союзов, на Первом Всесоюзном съезде советских писателей М. Горький произнес памятные слова: «...На меня, и — я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление аршур Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их.

Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

Эту горьковскую заботу, горячую заинтересованность в судьбах дагестанской литературы все мы ощущали в дни пребывания в Москве. Ощущали всюду: в выступлениях взыскательных и по-хорошему строгих рецензентов, в личных беседах с московскими писателями, на встречах с трудящимися столицы.

К декаде издано больше 150 книг дагестанских авторов, 44 книги вышли в Москве на русском языке. В числе участников декады — шестьдесят писателей. Многие из них окончили Литературный институт имени А. М. Горького или Высшие литературные курсы. Таковы наши советские горцы!

Горные реки рождаются из ручейков. Ручьи бегут по склонам, сливаются в бурлящий поток. Таким ручейком, вливающимся в мощный и светлый поток многонациональной советской литературы, является творчество дагестанских писателей.

Наша декада совпала с первыми повесеннему теплыми днями с бурным цветением природы. Такой же расцвет происходит сейчас в дагестанской литературе. Мы уверены, что это цветение принесет хорошие, обильные плоды.

ДЕКАДА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Подходит к концу Декада дагестанского искусства и литературы. В Центральном Доме литераторов состоялся заключительный вечер литературной части декады.

«Наши друзья много и хорошо поработали в эти дни», — сказал, открывая вечер, Н. Тихонов. Позади десятки литературных вечеров, теплых и радостных встреч с московскими собратьями по перу и читателями.

После вступительного слова Расула Гамзатова свои стихи прочли А. Аджиев, А. Аджаматов, Казиев Али, Фазу Алиева, А. Гафуров, А. Джафаров, Г. Залов, М. Митаров, Р. Рашидов, К. Султанов, А. Саидов, Н. Юсупов.

Вчера на заседании секретариата правления Союза писателей РСФСР подведены итоги литературной части декады.

Состоялись обсуждения декадной художественной выставки и выставки книги и книжной графики.

Сегодня в Кремлевском театре участники декады дадут заключительный концерт.

В ИНТЕРЕСАХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Вчера в Москву по приглашению Советского правительства прибыл с официальным визитом премьер-министр Новой Зеландии Уолтер Нэш и сопровождающие его лица.

Советские люди с удовлетворением восприняли весть о прибытии высокого гостя. Перед посещением Европы новозеландский премьер-министр заявил, что на него произвело большое впечатление предложение Н. С. Хрущева о всеобщем и полном разоружении и что он стоит за мирное урегулирование всех спорных международных проблем путем переговоров. В частности, У. Нэш приветствовал предстоящий созыв совещания на высшем уровне. Советские люди согласны с мнением премьер-министра Новой Зеландии, что путь переговоров является реальным средством решения разногласий между Востоком и Западом. Они уверены, что нынешний визит приведет к укреплению взаимопонимания и сотрудничества между нашими двумя странами.

КУРУШ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО БЛОКНОТА

Вы, должно быть, ожидаете, что речь пойдет о человеке по имени Куруш, который, бросив родной очаг и семью, пустился путешествовать... Вот и не угадали! Куруш — лезгинский аул на юге Дагестана, возле самой границы с Азербайджаном. Стоит он, пожалуй, выше всех селений в Европе, на высоте 2 465 метров. Правильнее сказать — стоял. Потому что девять лет назад аул переехал за четыреста с лишним километров на север Дагестана, в прибрежье Каспия. А Каспий, как известно, находится ниже уровня океана.

На этом превращения Куруша-путешественника далеко не закончились.

Чем занимались жители аула на старом месте? Одним лишь скотоводством, так как на тех заоблачных высотах ничего ровным счетом не росло. И вели курушцы полукочевой образ жизни: летом забирались с барантой на высокогорные пастбища, зимой через перевалы уходили в Азербайджан, в Ширванскую степь.

Сейчас курушцы сеют пшеницу и кукурузу, сажают овощи, разводят сады и виноградники, занимаются шелководством и табаководством, пробуют даже выращивать лимоны и чай. Древнее овцеводство и то обновилось — вместо прежних грубошерстных овец курушцы завели стада тонкорунных мериносов.

Закупив полностью МТС с ее мастерскими, бывшие чабаны своими силами производят текущий, средний и даже капитальный ремонт. В колхозе собственный радиоузел, во многих домах имеются радиоприемники, а сейчас курушцы торопятся приобрести телевизоры: скоро в Махачкале откроется телевизионный центр.

Кстати, о покупках. В старый Куруш по головокружительным кручам невозможно было доставить даже простую железную кровать, не говоря уж о буфете или шифоньере. После переселения курушцы за один только год купили более 400 кроватей, множество столов и стульев. Они требуют все больше красивой, добротной мебели. 10,5 миллиона рублей! Таков доход, полученный курушцами в минувшем году.

Хорошеет, благоустраивается новый Куруш. На его широких ровных улицах— белостенные уютные домики с веселыми разноцветными верандами. В центре поселка — двухэтажная средняя школа, прекрасное, с колоннадой, здание Дворца культуры. Недавно вступила в строй больница. На днях заложены первые камни в фундамент интерната на 300 воспитанников. Открылась первая в Дагестане колхозная картинная галерея.

По-новому, по-городскому живут люди Куруша. Ведь и сами они уже не те горцы, какими были их деды и отцы. В колхозе есть теперь главный инженер, зоотехник, агроном, главный бухгалтер—все они люди с высшим специальным образованием. А сколько в колхозе врачей и учителей с вузовским дипломом! А сколько людей с аттестатом зрелости! В Куруше есть даже свой поэт — Касум Фаталиев, он работает учителем в школе, а по вечерам руководит колхозной самодеятельностью, ставит на клубной сцене не только одноактные пьесы, но и произведения лезгинской, азербайджанской и русской классики.

— Путешествия обогащают ум и душу, — говорится в старой горской пословице. Что ж, ее можно применить и к аулу-путешественнику!

Е. ЛОПАТИНА,
Ю. ДАШЕВСКИЙ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Аул КУРУШ

РЕДКИЕ ФОТОГРАФИИ

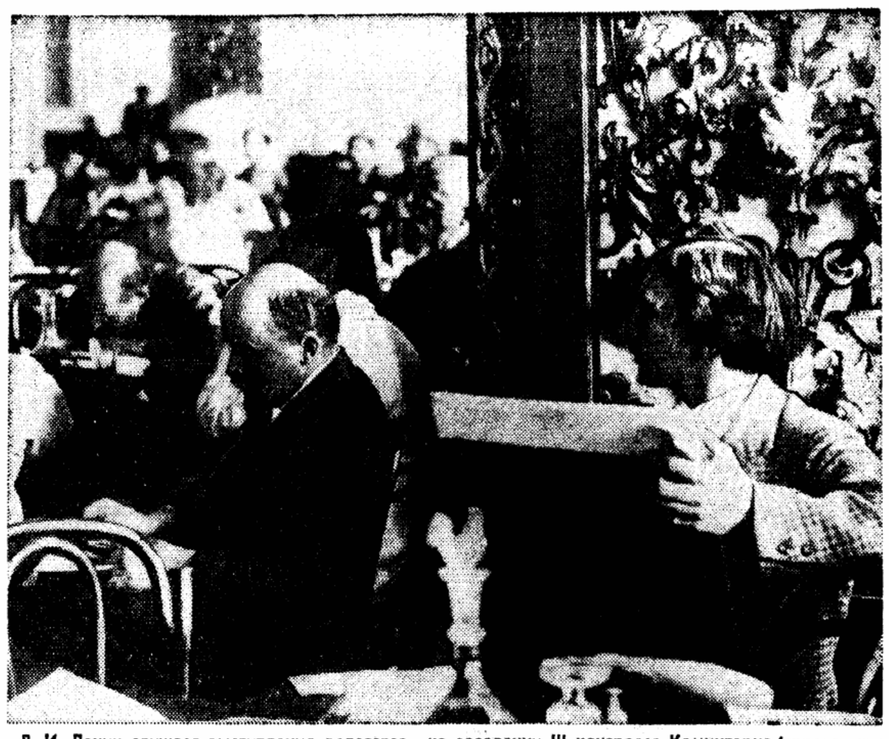
К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил к изданию альбом фотографий Владимира Ильича.

В институте хранится сейчас несколько сот фотографий вождя, которые поступали сюда с 1924 года. Иные негативы приходили в очень плохом состоянии. Сотрудники фотолаборатории института приложили много труда, чтобы спасти эти бесценные фотоснимки. Удалось восстановить, например, неизвестную до сих пор фотографию Ленина, датированную 4 апреля 1917 года, когда Владимир Ильич выступал в Петрограде, в Таврическом дворце, с разъяснением Апрельских тезисов.

Архивные материалы, воспоминания людей, работавших с Лениным, периодические издания того времени помогали сотрудникам Института марксизма-ленинизма установить авторов съемок, время и место событий, запечатленных на снимках, выяснить фамилии товарищей, сфотографированных вместе с Лениным.

И вот итог работы — альбом, включающий 104 фотографии. Это — самая полная публикация ленинского фотолетописного фонда.

С сегодняшнего номера мы начинаем публиковать редкие фотографии из альбома «Владимир Ильич Ленин», вышедшего недавно в Изогизе.



В. И. Ленин слушает выступления делегатов на заседании III конгресса Коминтерна (справа художник Бродский рисует портрет Ленина). Москва, июнь—июль 1921 года.

ЧИТАЯ ЛЕНИНА...

Борис ГАЛИН

«Точно по инструкции»

Рассказывал старый инженер-конструктор. Было это давным-давно, в Петрограде, на втором году революции. Завод, на котором тогда служил инженер, принадлежал до революции фирме Симменс-Шуккерт. Проживал инженер в просторной и даже роскошной, как он выразился, квартире. Семья была небольшая.

И вот в один прекрасный день рано утром постучали в дверь, а затем в квартиру вошла группа людей — две женщины, знакомый заводской рабочий, молодой человек в студенческой куртке, солдат и матрос. Вожаком делегатов был матрос, невысокий, плотный товарищ. Он-то и предъявил хозяину квартиры мандат и вежливо, твердо и коротко объяснил цель прихода.

— По-нашему, — сказал матрос, — нужны революционные меры: распределение жилищ в интересах бедноты. Учитывая обстановку, есть намерение произвести необходимое уплотнение и одновременно переселение трудящихся из подвалов.

Он держал в руках тоненькую, в четыре десятка страниц, брошюру. Время от времени заглядывая в нее, он четко сказал:

— Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться...

В разговор вступила пожилая женщина, она в свою очередь стала убеждать инженера, что делается это для облегчения тягостей и бедствий войны.

Инженер взял из рук матроса тоненькую брошюрку.

Матрос, переглянувшись со своими, улыбаясь, заверил инженера:

— Не извольте сомневаться, гражданин инженер. Действуем точно по инструкции.

Да, в инструкции именно так и было записано, как говорил матрос: «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму... На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех...»

В инструкции были еще и другие, очень реальные подробности, которые хорошо запомнил инженер-конструктор. Например, там было сказано: «...в вашей семье двое незанятых полурабочих, способных выполнить легкий труд... Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».

Инженер выдал расписку, что обязуется в точности выполнить революционное распоряжение.

С тех пор минуло много лет. Инженер продолжал работать на заводе, потом преподавал в электротехническом институте, стал доктором технических наук, профессором, и дома в его обширной библиотеке среди множества книг хранится та самая «инструкция», с которой ему однажды пришлось столкнуться на практике. Это была работа Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?». Она была издана в Петербурге в 1918 году в серии «Солдатская и крестьянская библиотека», печатали ее в типографии «Сельского вестника» на Мойке. В предисловии ко 2-му изданию, датированному 9 ноября 1917 года, Владимир Ильич писал: «Революция 25-го октября перевела вопрос, поставленный в этой брошюре, из области теории в область практики».

Немало трудного пришлось испытать инженеру-конструктору. Но, как он сам говорит, ленинская «инструкция» сыграла не последнюю роль во всей его жизни, в ломке предрассудков, да и всей психологии инженера.

Рассказывая мне эту короткую историю, старый конструктор взял с книжной полки тоненькую брошюру, раскрыл ее на 21-й странице, на той самой потускневшей от времени странице, которую когда-то в зиму восемнадцатого года ему столь выразительно прочел матрос-большевик.

Инженер осторожно положил на ладонь тоненькую книжку.

— «Чудесное средство»! — задумчиво сказал он.

Чудесное средство сразу одним ударом удесятерить государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. И этим чудесным средством, как назвал его Ленин, явилось привлечение трудящихся к повседневной работе управления государством.

На простом наглядном примере с переселением бедноты из подвалов Владимир Ильич пояснял, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие.

Хлеб и книги

Однажды в письме к Горькому Владимир Ильич обронил такие слова: «Без книг тяжко»... Недавно, читая XXI Ленинский сборник, я на стр. 283-й обратил внимание на одну записку Ленина. Рукою Ильича был набросан список книг, которые Ленину хотелось прочитать в эти дни.

Я несколько раз с волнением перечитывал ленинскую запись. Дело в том, товарищи, что записку эту, **судя по почерку**, как сказано в сборнике, Владимир Ильич писал после ранения 30 августа 1918 года.

Как только он стал поправляться, его сразу же потянуло к книге,—и он набросал следующий список:

Дюбрейль=Коммуна
Лиссагарэ «История Коммуны 1871 года»
Чехова Спички
Джордж Эллиот.
«Даниэль Деронда»
«Мельница на Флоссе»
Диккенс
Холодн[ый] дом

И в эти же дни, едва начиная приходить в себя после тяжкого ранения, Владимир Ильич обращается мыслями к хлебу насущному, к хлебу для трудящихся. В памяти Ленина живет Елец — один из уездов Орловской губернии. Там идет напряженная борьба за хлеб! Надо ее усилить, эту борьбу за каждый пуд хлеба.

Ельцом он занимался еще до ранения. В начале августа Владимир Ильич выдвинул лозунг, требуя развернуть массовую агитацию: «в поход на жнитво в Еле[цкий] уезд!».

За неделю до 30 августа он телеграфирует в Елец наркому земледелия тов. Середе: «Всеми силами используйте хорошую погоду». За три дня до ранения он посылает новую телеграмму в Елец, в которой сообщает, что помочь делу можно присылкой большого количества «обмолотных отрядов». Надо привлечь московских рабочих. «Мы обязательно должны показать рабочим Москвы наглядно и на их массовом опыте, что только их участие двигает быстро снабжение продовольствием».

И кажется, одна из первых его записок после 30 августа, — может быть, она писалась в одно время со списком книг, — это письмо Ильича к наркому земледелия по поводу сбора хлеба в Елецком уезде:

«7 сентября 1918 г.

Тов. Середа! Оч[ень] жалею, ч[то] Вы не зашли. Напрасно послушались «переусердствовавших» докторов.

Почему **не выходит** дело в Елецк[ом] уезде? Это меня оч[ень] тревожит, а еще более Ваш «обход» этого вопроса.

Явно ведь не выходит. Из 19 волостей с ком[итетами] бедн[оты] **ни одного** ясного, точного отчета!

Ни одной Σ*, сколько вагонов за какие сроки?!!

Ни в одну волость (а надо бы в 19) не привезено по 3—5 толковых рабочих из Питера (с 15—50 помощн[иками] из Москвы). **Нигде** нет данных, чтобы работа **кипела!**

В чем дело? Очень прошу ответить. Назначьте корреспондентов для меня по **каждой** волости, дайте им это мое письмо, пусть **все** мне ответят.

Привет!
Ваш Ленин».

Письмо Ленина обошло весь Елецкий уезд. Его читали во всех комитетах бедноты. В Кремль к раненому Ильичу полетели вести из уезда. Крестьяне счастливы были услышать голос Ленина, они спешили заверить его: хлеб будет, дорогой товарищ!

Сохранилось письмо от комитета бедноты и ячейки коммунистов Краснополянской волости Елецкого уезда.

«Сего числа, получив телеграмму от Вашего имени через тов. Середу, о скорейшей отправке хлеба в Москву, заявляем: вся наша энергия направлена к тому, чтобы как можно скорее накормить дорогих наших товарищей рабочих. Хлеб отправляем. Шлем горячее пожелание в скорейшем Вашем выздоровлении».

Ленин верен себе! Он сердечно благодарит товарищей за добрые пожелания скорейшего выздоровления, но не успокаивается и телеграфно требует от всех комитетов бедноты Елецкого уезда: необходимы еженедельные точные цифры. Первое, какие именно волости, какую именно часть излишков хлеба собрали и сколько ссыпали? Второе, сколько именно пудов хлеба ссыпано, в каких именно элеваторах и ссыпных амбарах.

А заканчивается ленинская телеграмма так: «Без таких данных все остальное пустая словесность. Отвечайте точнее».

И хлеб из Ельца пошел...

* Суммы. (Ред.).

Начало см. «Литературная газета» от 14 и 16 апреля. Окончание следует.

Вероника ТУШНОВА

СУДЬБА РОССИИ

Грачи галдели,
было половодье,
светились ветлы пухом золотым...
Его назвали ласково:
— Володя —
и любовались лобиком крутым.
Ночами в окнах вздрагивали стекла,
в них барабанил ветер озорно.
Ребенок спал,
тяжеленький и теплый,
как спит до срока в борозде зерно.
Уже в нем силы зрели и бродили,
готовые
пласты веков поднять...
А в гости сослуживцы заходили,
хвалили сына,
поздравляли мать.
И, постояв у колыбели чинно,
по вежливой традиции гостей,
вновь говорили:
о делах — мужчины,
а женщины про жизнь и про детей.
Как дальше будет, думали-гадали,
предполагали, спорили, а там
чай допивали, пироги съедали,
спохватывались: — время по домам!
«Нет, нет, не провожайте нас», —
просили,
и уходили в суетные дни,
не понимая, что судьбу России
уже воочью
видели они.

ОТКРЫТИЕ СДЕЛАНО. А ДАЛЬШЕ?

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

как обязательное, стало государственным стандартом. Именно об этом мечтает каждый новатор.

НЕОДНОКРАТНО мне приходилось приезжать в Москву, во Всесоюзный научно-исследовательский инструментальный институт в роли ходатая. Я добивался признания фрезы Леонова, а затем и нашей в качестве государственного стандарта.

Нелегкое это занятие. Институт никак не поспевает за жизнью. Пять лет прошло, например, пока он дал положительное заключение (а его заключение решающее) о включении фрезы Леонова в государственный стандарт. Проволочка эта обошлась государству в десятки миллионов рублей. И это не единственный случай. **Долгие годы проходят иной раз, пока в стандарт вносят уже давно проверенные новшества.** Пусть простит меня Комитет стандартов, но иные его стандарты представляются нам в виде деда-мороза, старого-престарого, с мешком за плечами и суковатой палкой в руках.

Не поспевают за открытиями новаторов не только институты, но и технические управления совнархозов, руководители предприятий.

А как сделать так, чтобы постоянно подталкивать «непоспевающих»?

ЗАДУМЫВАЯСЬ над этим волнующим каждого открывателя вопросом, ленинградские новаторы производства выдвинули предложение о создании новой формы общественного их объединения. **Недавно при Ленинградском совнархозе создан Совет новаторов.** Что это такое?

Когда обсуждался вопрос о Совете новаторов, нам задавали вопрос: к чему еще одна организация? Ведь есть у нас Общество изобретателей и рационализаторов. Все это так. Вместе с тем нельзя не заметить своеобразия творчества новаторов производства, в основном рабочих. Они ведут поиски буквально на всех участках производства, вносят тысячи и тысячи больших и малых предложений, которые нужно оперативно и квалифицированно оценить. И главное, обеспечить широкое распространение всего полезного. Кто может это сделать лучше и быстрее, чем сами новаторы?

Здесь нужно оговориться. Приходится часто слышать о забытых новаторах, о том, что слава новатора бывает незаслуженно быстротечна. Случается такое. Но не всегда от равнодушия. Бывает, что слава дутая.

Те, кто внимательно следит за творчеством новаторов производства, не раз наблюдали, как внезапно ярко вспыхнет новая звезда. О ней много пишут. И вдруг эта звезда так же внезапно исчезает, как и появилась, вызывая недоуменный вопрос: что же произошло?

А происходит обычно следующее: новатор находит решение какой-либо одной узкой задачи, а оно рекламируется как универсальное для всех случаев жизни. Бывает и так: на отсталом производстве рабочие применяют уже давно известную «новинку». А малосведущие руководители и местная печать начинают, как говорится у нас, «поднимать» товарища. И часто хороший, честный рабочий становится жертвой шумихи, которая только дискредитирует новаторское дело.

Кто же лучше, чем сами новаторы, через свой постоянно действующий совет сможет отличить полезное от сорняков и поддержать подлинно новое. При Совете новаторов созданы секции, объединяющие новаторов по профессиям: есть секция токарей, секция фрезеровщиков, прокатчиков и т. д. Каждая секция представляет собой творческое объединение новаторов, работающих в одной области. Творческие объединения рабочих-новаторов — это то новое, что рождается в борьбе народа за досрочное выполнение семилетки.

Главная задача Совета новаторов — помогать совнархозу отбирать открытия новаторов и добиваться включения их в планы предприятий для массового внедрения. Совет новаторов будет принимать самое активное участие в разработке планов внедрения новой техники и технологии.

Когда же будут созданы Советы новаторов в других экономических районах (я думаю, что это дело ближайшего будущего), они установят постоянную связь и будут помогать друг другу внедрять все передовое, что рождается на предприятиях страны.

Необходимо, конечно, добиваться повышения роли руководителей предприятий, цехов и повышения материальной их заинтересованности во внедрении новшеств, но мое глубокое убеждение: коренного перелома во внедрении открытий новаторов мы добьемся лишь на основе широкого привлечения общественности к решению этой задачи.

Когда новатор стучит в двери будущего, они откроются, если рядом с ним великая сила — общественность.

ЛЕНИНСКИЙ, ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ...

КАЖДАЯ СТРОЧКА, вышедшая из-под пера Владимира Ильича Ленина, каждая пометка, сделанная его рукою на полях прочитанной книги, на телеграмме с фронта или на письме, полученном от крестьян из глухой российской деревеньки, представляют собой большую ценность. Они добавляют к живущему в нашем сознании образу Ильича новые штрихи, помогают проникать в лабораторию ленинской мысли.

В конце прошлого года вышел в свет XXXVI Ленинский сборник, страницы которого вместили в себя шестьсот тридцать шесть ранее не публиковавшихся ленинских документов. Эти 636 документов — планы статей и выступлений Ленина, написанные им проекты постановлений Центрального Комитета партии, Совнаркома, Совета Труда и Обороны, наброски, конспекты и тезисы по различным вопросам, письма, телеграммы и записки — расширяют и углубляют наши представления о необычайно многогранной деятельности организатора и вождя Коммунистической партии, великого строителя Советского государства.

Какой нужен был всеобъемлющий ум, какие смелость и дисциплина мысли, чтобы одновременно держать в поле своего зрения такую уймищу сложнейших вопросов, искать и, не имея под рукой готовых образцов и рецептов, находить единственно правильное их практическое решение!

Однажды Ленина спросили: бывает ли ему трудно? Он ответил: «Бывает — и еще как!.. Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!»

Борьба за идейное сплочение и чистоту рядов нашей партии, за укрепление ее связей с массами. Организация обороны молодой Советской республики. Ожесточенная война с голодом и хозяйственной разрухой. Переход страны на мирные рельсы и развертывание социалистического строительства на основе новой экономической политики. Улучшение работы советского государственного аппарата. Этим и многим другим вопросам посвящены документы, включенные в сборник.

НЕСКОЛЬКО его страниц занимают планы знаменитой статьи «Очередные задачи Советской власти». Наброски эти сделаны в марте — апреле 1918 года. По ним очень наглядно можно представить, с какой энергией и настойчивостью работала ленинская мысль, нащупывая конкретные пути социалистического строительства, сколь глубоко продумывал Ильич перспективы этого строительства.

«6 час. физической работы + 4 час. управления государством», — пишет Ленин, провидя, что страна Советов станет страной самого короткого в мире рабочего дня, страной, где миллионы трудящихся будут иметь все возможности для общественной и культурной деятельности, для активного участия в решении государственных дел и своего духовного совершенствования.

«Организация соревнования», «Сила примера», «Повышение производительности труда». Эти слова не единожды выводит рука Ленина, набрасывая план статьи. И когда мы открываем 27-й том ленинских Сочинений, в который вошли «Очередные задачи Советской власти», мы видим, как краткие, в два-три слова, наименования отдельных пунктов плана развернулись в целые страницы и главы, обросли живой плотью неотразимой ленинской аргументации, приобрели заряд огромной вдохновляющей силы.

Ленинские идеи организации соревнования подняли передовых рабочих на проведение первых коммунистических субботников. Великим почином назвал Ильич эти субботники. Его зоркий глаз увидел в них начало грядущей победы коммунистического труда. К ленинским идеям организации соревнования восходят своими корнями и наше сегодняшнее замечательное движение бригад и ударников коммунистического труда, и славный патриотический поступок Валентины Гагановой. Животворными этими идеями питается ставшее подлинно всенародным соревнование за досрочное выполнение семилетнего плана.

ЕЩЕ не на всех фронтах гражданской войны отгремели бои, еще много времени и сил отнимают у Ильича вопросы, связанные с организацией отпора врагу, а мысль Ленина все чаще и больше обращается к проблемам восстановления народного хозяйства, к планам коренного преобразования экономики России, к осуществлению идеи электрификации страны.

В канун третьей годовщины Октябрьской революции он пишет письмо членам ЦК, в котором предлагает доклад на предстоящем съезде Советов об основных задачах восстановления народного хозяйства поручить председателю ГОЭЛРО Г. М. Кржижановскому. «Мы получим, — подчеркивает Ленин, — действительное осуществление *по общему плану* восстановления народного хозяйства, каковой план без электрификации ничто, а беседовать об «основных задачах» вне этого плана было бы несерьезно».

Много внимания уделяет Владимир Ильич строительству Каширской и Волховской электростанций. Вот, например, его записка в Малый Совнарком:

«Прошу рассмотреть *СРОЧНО*. Надо им помочь и денег обязательно дать.

Есть директива Политбюро *обязательно* кончить Каширу в 1921 г. Надо *проверять исполнение*.

22/VI[1921] Ленин».

В дни, когда Красная Армия готовилась к боям за Перекоп, к разгрому Врангеля, Владимир Ильич в связи с поступившей в Совнарком докладной запиской о применении тракторов в сельском хозяйстве Советской России пишет наркому земледелия С. П. Середе:

«т. Середа! Прошу Вас дать мне Ваш отзыв.

Необходимо в самом срочном порядке подготовить

план тракторной кампании.

1) Закупка за границей
2) Производство в России
3) Техники —
рабочие и т. д.

Напишите мне непременно на днях, когда дадите предварительную записочку (не созвать ли сразу совещания?)

19.X[1920] Ленин»

Владимира Ильича заботят и проблема гидравлической добычи торфа (27 февраля 1922 года Ленин объявляет выговор ряду ответственных работников «за проявленный бюрократизм по делу о Гидроторфе», подчеркнув, что «сознательные революционеры должны бы, кроме исполнения своего служебного долга, подумать об экономических причинах, кои заставили СНК признать Гидроторф «имеющим чрезвычайно важное государственное значение»), и проблема Курской магнитной аномалии (5 апреля 1922 года он пишет одному из своих заместителей: «Обращаю внимание на исключительную важность работ по обследованию Курской магнитной аномалии. Тов. Кржижановский сообщил мне, что по сведениям инженеров, с которыми он беседовал, почти доказано, что мы имеем там неслыханно богатый запас чистого железа»), и множество других проблем, свидетельствующих о том, как целеустремленно и дальновидно руководил Ленин развитием народного хозяйства страны.

Ныне все видят, что многое, очень многое из того, о чем мечтал Ильич, что было начато по его инициативе и при его непосредственном энергичном участии, трудом и волею нашего народа, руководимого ленинской партией, претворено в жизнь. Страна наша продолжает идти вперед по пути, указанному Лениным. Наш семилетний план является живым воплощением ленинских идей строительства коммунизма.

МНОГИЕ документы сборника посвящены внешней политике Советского государства. Они ярко характеризуют борьбу Ленина за мир, за мирное сосуществование Советской России и капиталистических стран, за укрепление деловых связей со всеми странами.

В первом же ленинском документе, открывающем сборник, — плане статьи «Революция в России и задачи рабочих всех стран» (над этой статьей, оставшейся незаконченной, Владимир Ильич работал в марте 1917 года в Швейцарии, незадолго до своего возвращения в Россию), — мы читаем: «Что должно сделать правительство рабочее и крестьянское? Как добиться мира?»

А каким неопровержимым доказательством миролюбивой политики Советского государства явилось внесенное Лениным в мае 1922 года предложение включить в повестку дня сессии ВЦИК вопрос о сокращении Красной Армии, «объявив сокращение на одну четверть и мотивируя это тем, что хотя и небольшой и не особенно надежный, но все же некоторый реальный шаг к перемирию достигнут в Генуе»!

И опять: читаешь эти ленинские документы, а мысль обращается к нашему сегодня — к закону о новом значительном сокращении Советских Вооруженных Сил, к недавним визитам главы Советского правительства Никиты Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты Америки, в страны Юго-Восточной Азии и во Францию, ко всему тому, что по-ленински мудро, по-ленински смело осуществляют Коммунистическая партия и Советское правительство в интересах упрочения мира во всем мире, в интересах безопасности и благополучия всего человечества.

В СБОРНИКЕ немало документов, характеризующих постоянную заботу Ленина о развитии советской науки и культуры: «К тезисам о производственной пропаганде», план «Директив ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса» и материалы к статье «О работе Наркомпроса», проект постановления Политбюро ЦК РКП(б) о свободной продаже книг, хранящихся на складах Москвы, и другие.

Занятый множеством неотложных партийных и государственных дел, Ильич выкраивает время, чтобы лично составить проект постановления Совнаркома о назначении пожизненной пенсии сыну Н. Г. Чернышевского и о ремонте музея Чернышевского в Саратове; чтобы написать письмо в Наркомвнешторг, Наркомфин, ВСНХ и Наркомпрос в связи с предложениями приехавшего в Москву уполномоченного итальянской кинофирмы Чито-Чинема коммуниста Кароти («Дело это я считаю чрезвычайно важным и *спешным*»); чтобы внимательно следить за работой Нижегородской радиолаборатории и всячески помогать ей.

Известно, какую трогательную заботу проявлял Владимир Ильич об А. М. Горьком. Вот еще одно свидетельство этой заботы. 12 декабря 1921 года Ленин обращается к членам Политбюро ЦК РКП(б) со следующим письмом:

«Крестинский пишет мне, что Горький выехал из Риги совсем без денег... Крестинский думает, что необходимо включить Горького в число товарищей, лечащихся за границей за счет партии или Совета. Предлагаю провести через Политбюро предложение Крестинскому включить Горького в число таких товарищей и проверить, чтоб он был вполне обеспечен необходимой для лечения суммой».

Люди, имевшие счастье работать с Лениным, встречаться с ним, неизменно подчеркивают в своих воспоминаниях об Ильиче, что он, как никто другой, умел порадоваться успеху товарища, умел по достоинству оценить и поддержать этот успех и в то же время проявлял величайшую скромность, когда речь заходила о его собственных заслугах.

В сборнике приводится отзыв Надежды Константиновны Крупской о сценарии П. И. Воеводина «Владимир Ильич Ленин». Крупская отмечает, что выбор фактов часто случаен и многие биографические подробности неверны, что постановка чрезвычайно сложная и будет стоить бешеных денег. «Отклонить все на основании сего отзыва», — такую надпись сделал Ильич на этом документе.

И еще один документ. Письмо к Ленину французского писателя-коммуниста Анри Гильбо, который сообщает, что у него имеется намерение написать работу о руководителях большевистской революции. Владимир Ильич написал на этом письме: *«Не стоит о лицах»*.

Питая великую любовь к людям, чутко откликаясь на каждую обращенную к нему просьбу, считая своим долгом помочь человеку в беде, в горе, Ильич был суров и непримирим, когда сталкивался с идейными ошибками, с отступлениями от линии партии, с нарушениями партийной и государственной дисциплины, со всем тем, что мешало строительству новой жизни, борьбе за коммунизм.

В этом отношении очень характерно письмо Владимира Ильича к Ю. Х. Лутовинову, одному из лидеров так называемой «рабочей оппозиции». Ленин беспощаден в критике этого нытика и паникера: «Размагниченный мелкобуржуазный интеллигент хныкает, плачется, теряется перед любым проявлением безобразия и зла, лишается самообладания, повторяет любую сплетню...»

***

Непримиримым борцом за дело рабочего класса, за новое, коммунистическое в жизни, носителем неистребимого революционного оптимизма, человеком, глубоко верящим в могучие силы народа, поднятого Октябрьской революцией, партией коммунистов к вершинам сознательного исторического творчества, навсегда вошел Ленин в наше сознание. Таким он еще и еще раз предстает перед нами со страниц этой книги.

В. КОСОЛАПОВ

Ленинский сборник XXXVI. Подготовлен к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Редакторы В. Я. Зевин, Г. Д. Обичкин. Госполитиздат. 1959.

С ЛЮБОВЬЮ К ДОБРУ И ПРАВДЕ...

Перед нами — своеобразный итог работы писателя. И не потому, что под некоторыми произведениями, вошедшими в эту книгу, стоят даты двадцатилетней давности. И не потому, что книга демонстрирует широту и многообразие интересов автора. Собранные в сборнике материалы дают возможность понять, как в живой практике писательской работы происходит и утверждается сам процесс познания и отражения жизни.

В большой книге Мариэтты Шагинян, вышедшей в Гослитиздате, собраны работы очень разные. Разные годы, различные области жизни, которые волнуют автора, разные жанры: статьи, очерки, воспоминания, роман-хроника. И тем не менее книга написана на едином дыхании. В ней ощущаются глубокая и своеобразная личность писателя, душевная, страстная заинтересованность во всем, что останавливает его внимание. «Всякий раз, как я бралась за перо, я делала это с любовью к добру и правде, — пишет Шагинян во впервые публикуемой «Автобиографии». — И я никогда не знала равнодушия в процессе работы».

В новой книге М. Шагинян интересен прежде всего сам метод работы. Перед нами журналист, всегда имеющий дело с фактами. Но факты надо не только разыскать, но и осмыслить.

И у Шагинян факты становятся материалом для размышления над жизнью...

Это особенно очевидно сказалось в романе-хронике «Семья Ульяновых» и очерках о Ленине. Роман Шагинян, опубликованный в первом варианте в 1937 году, был одобрен таким внимательным и авторитетным читателем, как Н. К. Крупская, которая читала его еще в рукописи. (Сейчас роман дополнен и расширен.)

«Читая Вашу рукопись, — писала Надежда Константиновна М. Шагинян, — я почувствовала, насколько правильно подошли Вы к вопросу. Пожалуй, только опытный писатель может, на основе изученных материалов, дать картину той эпохи. Это имеет большое значение и с точки зрения исторической. Мне понравился не только Ваш замысел, но и сама рукопись... Замысел очень интересный, подработка материала тоже...».

Шагинян анализирует только документы. Ленин никогда не делал даже попытки написать свою автобиографию. «Но, на наше счастье, и Ленину приходилось заполнять анкеты».

В сентябре 1920 года во время партийной перерегистрации и два года спустя во время всероссийской переписи Владимир Ильич заполнял опросные листы. Шагинян находит в ленинских ответах огромную помощь «для **верного** пути к **правильной** передаче ленинского характера».

На вопрос об основной профессии Ленин ответил: «Литератор». Не революционер и не политик — литератор. Случайно ли это? Но ведь крупнейшие политики древности — Платон, Цицерон, Юлий Цезарь, великие революционеры и мыслители Дидро, Марат, Маркс «были и есть писатели в полном профессиональном смысле, — писатели, дорожащие чистотой и весомостью каждого вышедшего из-под их пера слова. Они отделывали свою написанную мысль, задумывались с пером в руках. У них — перечеркнутые черновики, корректуры — весь обиход писателя-профессионала». Ленин считал литературу основной своей профессией, потому, что в ней видел прежде всего политику, «в ее глубочайшем, философском понимании, как важнейшее дело человечества...». На вопрос о знании иностранных языков — французского, немецкого, английского Ленин ответил в анкете: «Плохо все три», а в другой анкете на вопрос: «На каких языках свободно говорите?« — написал: «Свободно ни на одном». А ведь мы знаем, что он не просто легко пользовался этими языками, но понимал и чувствовал дух и малейшие оттенки слова; Мария Александровна, мать Ильича, свободно владела всеми тремя языками, еще в гимназии Лечин проявлял блистательные способности к языкам. Но не верить Ильичу, пишет Шагинян, «считать, что он пишет «неправду из скромности», нельзя. Неправда из скромности — такая же неправда, как и всякая другая, и она чужда Ленину. Он писал то, что думал, совсем не из желания преуменьшить свои действительные знания, а из большой и естественной **нормы правды** людей полного исторического роста, тех, кто предъявляет к вещам и к себе максимальную требовательность».

И, наконец, еще один пример. В графе о религии Ленин пишет: «Неверующий с 16 лет». Это значит, что отошел от религии он совершенно сознательно. Шагинян идет еще дальше и устанавливает, что случилось это в год между смертью отца и казнью брата. «Никакие воспоминания современников не помогут нам вникнуть в рост и развитие ленинского сознания так, как эта скупая **дата**».

Писатель анализирует материалы астраханского архива, «ревизские сказки», осмысливает факты происхождения, обстоятельства жизни деда Ленина, астраханского портного Николая Васильевича Ульянова, его жены Анны Алексеевны, дочери крещеного калмыка, дяди Ленина — Василия Николаевича, отца — Ильи Николаевича, прослеживает влияние судьбы близких Ильичу людей на формирование его характера и приходит к интереснейшим выводам. «Художника поражают абсолютное отсутствие предпосылок к разладу и удивительная **цельность** в жизни и характере трех поколений людей...». (Речь идет о трех поколениях семьи Ульяновых). Приступая к работе над романом-хроникой, Шагинян не просто воссоздает время и не просто дает возможность героям более или менее свободно «передвигаться» в этом времени, но создает совершенно органичные социальные характеры живых людей. И потому читателя не настораживают авторское «самоуправство» с фактами, его «фантазия».

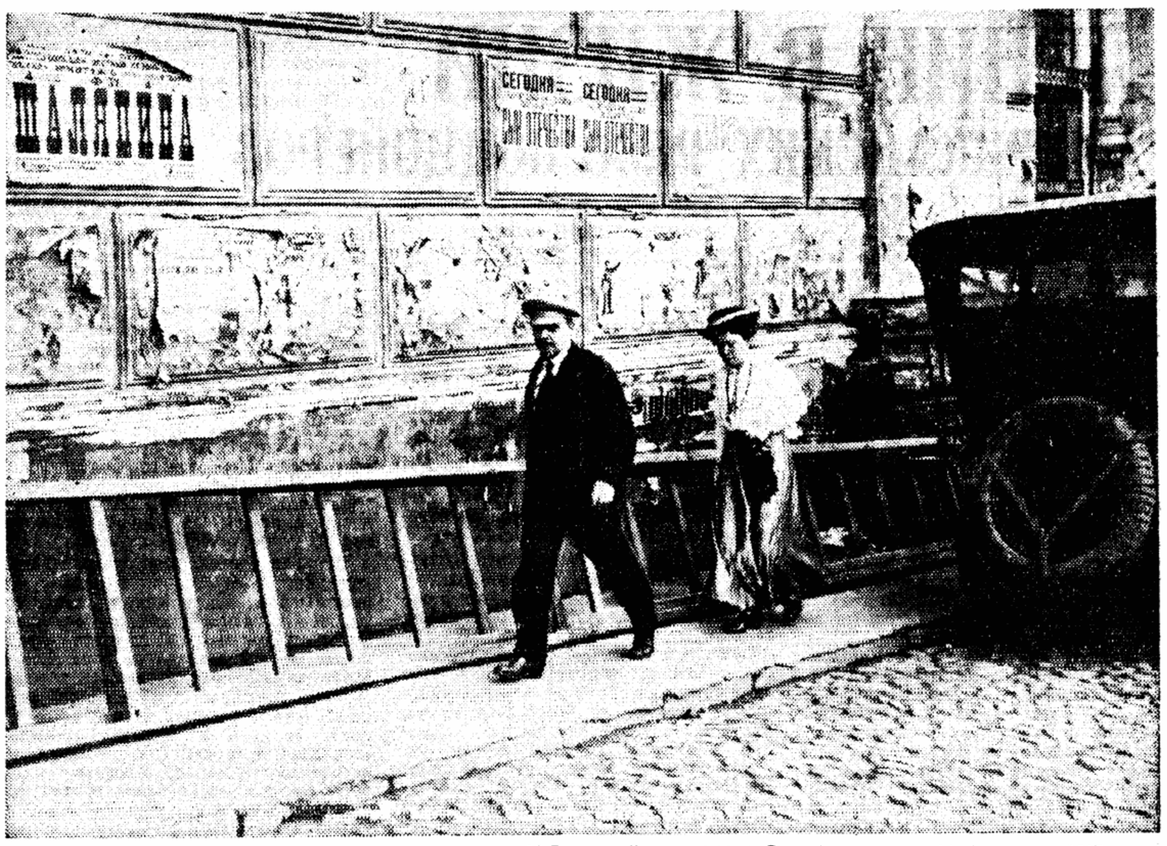
Как не настораживает его, например, очерк об Альбере Швейцере, в котором Шагинян пытается понять именно характер этого замечательного врача-биолога, героически трудившегося во Французском Конго. «Два полюса нравственного поведения — стремление делить с народом одинаковые материальные условия и уменьшение подчиняться стадному, неверному настроению массы, — не всегда легко соблюсти и взрослому человеку. Но мальчик Швейцер сделал их пробными камнями своего характера и воспитал себя на них. Много раз в жизни приходилось ему потом выполнять требованье своей совести «быть, как все», и «не быть, как все»... Так возникает в очерке характер, «история души».

В романе Шагинян — целая галерея характеров семьи Ульяновых. И одновременно это книга о первом поколении русской интеллигенции. «Куда идем мы? Что будет с Россией?» — думает товарищ Ильи Николаевича преподаватель Захаров, рассказывая гимназистам о смерти Добролюбова, об отчаянном выступлении Чернышевского у его могилы, мучительно пытаясь разобраться в своих чувствах после выстрела Каракозова. И читатель вслед за автором представляет себе Чернышевского, потрясенного смертью товарища, обиженного малолюдством толпы, листающего озябшими пальцами дневник покойного. Читатель видит и нескладную фигуру Мити Каракозова («...пензенский... наш», — сказал о нем Илья Николаевич); учеников Ульянова: Страндена, осужденного на двадцать лет каторги за то, что готовил побег Чернышевского из Сибири, Ишутина, отправленного в вечную каторгу, сошедшего там с ума, — и лицо поколения, «дорогое расплывчатое лицо», становится реальностью, оживает. И поэтому заключительные строки романа-хроники, в которых говорится о появлении на свет Володи Ульянова, не кажутся неожиданностью — они закономерны: «По всему по этому» в Симбирске, в семье инспектора народных училищ родился «обыкновенный мальчик...».

Книга Мариэтты Шагинян требует внимательного и пристального чтения. Она, повторяем, не только сообщает читателю новые, неизвестные ему факты, но увлекает и заражает самим процессом их осмысливания. Заставляет думать, учит понимать.

Ф. СВЕТОВ

Мариэтта Шагинян. Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. Гослитиздат. Москва. 1959.



В. И. Ленин и М. И. Ульянова направляются на заседание V Всероссийского съезда Советов. Москва, июль 1918 года.

ЛЕНИН, РЕВОЛЮЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Рисуя Ленина в Октябрьские дни в Смольном, Маяковский говорит:

И знал я,
что все
раскрыто и понято
и этим
глазом
наверное выловится —
и крик крестьянский,
и вопли фронта,
и воля нобельца,
и воля путиловца.
Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.

Именно такое впечатление вызывают бессмертные творения Владимира Ильича Ленина. Не будет преувеличением сказать, что нет других классических работ в области революционной теории, в которых так ощутимо билось бы народное сердце, слышалось бы с такой силой «непосредственное чувство угнетенного человека», если использовать выражение самого Ленина, и воплотилась та буря массового революционного движения, которую возглавила партия большевиков, возглавил Ленин.

Говоря в 1906 году в статье «Дума и народ» о кадетах, Ленин писал: «Эти жалкие люди чувствуют, что они не могут быть органом народной страсти, вождем народа, — и вот свое бессилие, свою отсталость валят они на народ, презрительно называя его толпой, высокомерно отказываясь от роли «игрушки». А между тем вся та свобода, которая еще есть в России, завоевана только «толпой», только тем народом, который самоотверженно шел на улицу, который приносил неисчислимые жертвы в борьбе, который делами своими поддержал великий лозунг: смерть или свобода. Все эти выступления народа были выступлением толпы. Вся новая эра в России завоевана и держится только народной страстью».

Ленин говорил так, ибо сам, как и вся большевистская партия, был «органом народной страсти».

В произведениях Ленина мы **видим** народ, русского рабочего, крестьянина, мещанина, интеллигента, буржуа в связи с судьбами всего человечества, видим людей «до миллиардов полутора». Жизненными соками и красками до предела насыщена ленинская публицистика. Перед нами рельефно охарактеризованные социальные типы, духовная идейная жизнь основных общественных классов, их политика, психология и общественная практика. Мысль Ленина в своем невиданном по смелости полете в будущее всегда опирается на беспримерно точное, конкретное и богатое знание русской жизни; эта мысль с потрясающей ясностью раскрывает законы исторического развития, и в ней ощущается плоть самой действительности.

Все важнейшие пласты русской жизни в их сложнейших связях и соотношениях, все важнейшие классовые конфликты и их отражения в экономике, политике, философии, журналистике, все народное море — все это бурлит, волнуется, движется здесь перед нами.

Именно поэтому так неизмеримо велико значение трудов Ленина для понимания и русской классической, и советской литературы, ибо последняя изображает те явления и тех людей, которые не только выросли из исторических процессов, исследованных Лениным, но и были им предвидены.

Поэтому же так недостаточно для изучения русской литературы, как это часто имеет место, опираться только на ленинские работы об освободительном движении, на ленинскую периодизацию последнего, на статьи Ленина о Герцене и о Толстом при всем очевидном огромном значении этих трудов.

Во-первых, потому, что освободительное, революционное движение, возглавляя народную жизнь, не исчерпывало, конечно, собою последнюю.

Во-вторых, потому, что ряд русских писателей находился в столь сложных опосредствованных отношениях с освободительным движением, что прямое, непосредственное, упрощенное «прикрепление» их к тому или иному этапу этого движения не может не вести к вульгаризованной интерпретации самой ленинской концепции.

Достаточно сослаться на Толстого, которого некоторые литературоведы «прикрепляли» то к второму разночинскому этапу освободительного движения, то к третьему — «движению самих масс». А не менее сложным представляется и соотношение с освободительным движением таких писателей, например, как Лесков или Чехов.

Могут возразить, что Ленин говорил о Толстом, как о «зеркале русской революции». Но и понятие «русской революции» у Ленина шире понятия освободительного движения. Говоря о русской революции, Ленин имеет в виду всю совокупность общественных отношений России, приведших к революционному взрыву, все классы и группы; говоря же об освободительном движении, Ленин разумеет сознательный авангард революции.

Ленинские труды имеют неоценимое значение для понимания русской жизни в ее развитии и тем самым для понимания истории русской литературы. Именно это обстоятельство обязывает наше литературоведение обращаться ко **всей** грандиозной панораме народной жизни, воссозданной в трудах Ленина, к ленинскому пониманию этой жизни во всей ее сложности и многогранности, ко всей **совокупности** ленинских работ, связанных так или иначе с этим огромным кругом вопросов.

Подходя под этим углом зрения к задачам литературоведения, следует признать, что впереди еще — огромная работа.

Сейчас же мы хотим остановиться на одном гениальном ленинском положении, кидающем яркий свет на такие особенности русской действительности, русской революции, которые наложили глубокий отпечаток на всю нашу литературу.

В своей работе «К оценке русской революции» (1908) Ленин говорит: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, **как победа буржуазии.** Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают **нашей** буржуазной революции **особый** характер».

Тезис этот имеет громадное значение для понимания развития русской литературы. Русская литература второй половины XIX века боролась и против крепостнических пережитков, и против буржуазной эксплуатации, против контрреволюционной буржуазии, за коренное обновление страны.

Конечно, это никак не позволяет говорить о русской классической литературе, как об «едином потоке». Борьба в ней шла разными путями, с различной степенью интенсивности, с неодинаковой идейной последовательностью, на различном жизненном материале. Для такого писателя, как Достоевский, например, буржуазное хищничество было тем врагом, на котором прежде всего концентрировалась его ненависть, его боль. Но нельзя забывать о том, что, даже возлагая порой надежды на монархию и религию, Достоевский вынужден был изображать то расейское хищничество, которое крепчайшими узами было связано с крепостничеством (достаточно сослаться на Федора Павловича Карамазова, на Тоцкого, на Епанчина), пользовавшимся таким покровительством самодержавия и церкви.

Своеобразие русской революции и объясняет нам также, почему русская классическая литература XIX века в целом объективно, а в большинстве своих корифеев и субъективно, выражала «бурный протест против всякого классового господства», если использовать ленинскую характеристику Толстого.

Русская литература второй половины XIX века, если не считать такой явно слабый и надуманный образ Гончарова, как Тушин, за которым чудесная Вера, конечно же, может пойти, разве лишь отрекшись от самой себя, наша литература никогда не связывала своих надежд на коренное изменение действительности с деятельностью буржуазного героя.

Еще Белинский с гениальной чуткостью ощущал противоречие между необходимостью буржуазного развития России и отвратительной перспективой победы буржуазии с ее продажностью и отсутствием патриотизма. Эти противоречия и отразились в его письмах к Боткину и Анненкову 1847—1848 годов.

Русская литература второй половины века, выражая страдания и муки народа под гнетом крепостничества и его пережитков, проницательно и презрительно рассматривала российского буржуа и его либеральных идеологов как антинародных и контрреволюционных пособников помещичьего господства.

Но, быть может, особенно показательно то, что величайший русский драматург, в силу своего жизненного опыта сосредоточенный по преимуществу на изображении быта купеческой буржуазии, до известной степени сочувственно следил за буржуазными героями своими лишь **до тех пор** и **в той мере**, в какой они противостояли крепостническим устоям России. Поэтому именно победа Беркутова в «Волках и овцах» и Василькова в «Бешеных деньгах» над помещичье-дворянским миром первобытных хапуг, сутяг и прожигателей жизни одновременно разоблачает всю ограниченность, пошлость, мелкотравчатость этих доморощенных рыцарей российского капитала, всегда готовых вступить в сделку с крепостниками, над которыми они одержали верх всего лишь в небольших стычках, в отнюдь не в непримиримой борьбе.

Еще любопытнее другое. Не раз изображал Островский столкновения и борьбу молодого поколения купеческих семей с устоями крепостнического темного царства. Вспомним «Горячее сердце», «Правда — хорошо, а счастье лучше» и др. Но и в тот момент, когда эта молодежь побеждала, Островский опускал занавес своего театра. Ибо после своей победы эти молодые неминуемо должны бы стать старыми, «хозяевами», буржуа...

Конечно, русские писатели второй половины XIX века не могли отдавать себе отчет в том, что рисуют страну, беременную буржуазной революцией, что притом революция эта отличается крайним своеобразием. Но они изображали мир, в котором, говоря толстовскими словами, цитированными Лениным, «все это перевороти лось и только укладывается», где все неустойчиво, зыбко и где укладывающийся порядок также чреват бурными переменами.

Ощущение тревожной неустойчивости русской жизни, в высшей степени свойственное уже Достоевскому, а затем и Глебу Успенскому, становится к концу века все более характерной чертой нашей литературы. Однако уже у Чехова ощущение это, в отличие от автора «Братьев Карамазовых», принимает характер оптимистического предчувствия, а затем воплощается у Горького в непосредственном изображении коренных изменений, происходящих в русской действительности, в психологии русского человека. Подспудная вулканическая деятельность вырвалась наружу и острейшие противоречия действительности стали для Горького выражением ее движения к социализму.

Неверно и вульгарно такое противопоставление русской и западноевропейских литератур, которое направлено к возвеличению первой за счет принижения последних. Но, разумеется, черты национального своеобразия должны быть установлены и охарактеризованы ясно и точно.

Именно потому, что русская жизнь второй половины века была придавлена крепостническими пережитками, сплетенными с буржуазной эксплуатацией, нашей литературе остается чужд тот пафос освобожденного от феодального гнета буржуазного развития, тот пафос кипения страстей буржуазного общества, который с такой силой, однако отнюдь не апологетически, воплощается Бальзаком, получив в его творчестве свое классическое и незабываемое выражение и анализ.

Страсти российского помещичье-буржуазного общества изображаются Щедриным со злым сарказмом, с издевательским хохотом, с беспощадностью революционного судьи и пророка, Достоевским — с трагическим ощущением человеческого падения, порождающим ужас, неспособный, однако, подавить надежду на нравственное возрождение.

Нельзя вместе с тем сказать, что русская литература вовсе проходит мимо исторической прогрессивности буржуазного развития. Но она видит и подчеркивает другую сторону этого развития, нежели Бальзак.

Конечно, и автор «Человеческой комедии» ясно видел вырождение тех людей, что горделиво красуются на капитанском мостике гигантского пироскафа — буржуазного Парижа; он чуял и грозное недовольство его кочегаров, но мощное движение этого корабля не могло не чаровать гениального писателя — историка — секретаря французского общества, каким он считал себя сам. Будущее, способное разрешить эти противоречия, Бальзак искал, но найти его не мог.

В центре же внимания русской литературы оказывается рост простого русского человека, освобождающегося от крепостнических пут и уже протестующего против буржуазной эксплуатации, так тесно срастающейся с крепостническими пережитками. Вспомним хотя бы российского «мальчика без штанов».

В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин подчеркивал, что «именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства...».

Прослеживание и изображение этого «подъема чувства личности» в пореформенную эпоху и становится центральной темой русской литературы второй половины века. Особенно ясно она звучит в еще недооцененном нашим литературоведением романе Решетникова «Где лучше?», рисующем недавних крепостных заводских рабочих на дорогах России в поисках лучшей жизни, в ряде рассказов Помяловского, в крестьянской эпопее Некрасова, в рассказе «Сон в летнюю ночь» Щедрина, в пьесах Островского, в «Воскресении» Толстого, в рассказе Лескова «Дама и фефёла», в «Степи» и «Студенте» Чехова и многих других произведениях, которых, конечно же, перечислить невозможно.

В очерке Глеба Успенского «Побоище», рисующем «буйный народ» начала 80-х годов, писатель так характеризует причину тех стихийных волнений, свидетелем которых он был на юге России: «...двигатель — главный, существенный — всего этого дела заключается в желании не дать в обиду человеческого **достоинства**».

В творчестве Горького рост русского человека прослеживается и мощно воплощается уже в его различнейших проявлениях — и в революционном пролетариате, и в полупролетарских слоях, и в крестьянстве, и в мещанстве. В «Жизни Матвея Кожемякина» Тиунов говорит: «Да... дела крутые! Первее всего обнаружилось, что рабочий и разный ремесленный, а также мелкослужащий народ довольно подробно понимает свои выгоды... и очень может быть, что в государственную думу, которой дана будет вся власть, перепрыгнет через купца этот самый мелкий человек, рассуждающий обо всем весьма сокрушительно...»

И, разумеется, сам основоположник социалистического реализма имеет здесь в виду нечто гораздо большее, чем победу «мелкого человека» на думских выборах. По сути, речь идет именно о том, что победа буржуазной революции в России невозможна как победа буржуазии, что победит в этой революции «мелкий человек», что «перепрыгнет» он через купца, через буржуа. В таком «мелком человеке» и живет «бурный протест против всякого классового господства».

В этом «бурном протесте против всякого классового господства» Ленин видел выражение разума Толстого, ту сторону его наследия, которая принадлежит будущему.

Массы, к которым, по словам Ленина, обратится пролетариат с разъяснением толстовской критики капитализма, — это и есть массы разоряемого и угнетаемого крестьянства и городской бедноты, простой русский человек.

Именно интересы **этих масс** и выражала русская классическая литература, изображая их пробуждение, их движение вперед к освободительной борьбе. Каждый большой писатель отражал какие-то стороны и черты этого движения, помогал прививать массам те или иные необходимые в этой борьбе качества.

Подход Ленина к действительности с позиций большевистской партийности, сочетание конкретнейшего и глубочайшего знания настоящего в его движении и развитии с невиданно смелым и мудрым проникновением в будущее — великий завет, которому верна советская многонациональная литература.

Постоянное изучение ленинского наследия во всем его богатстве под углом зрения жизненных потребностей литературного развития — первоочередная задача литературной науки.

Из доклада, прочитанного на научной сессии в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

ЖИЗНЬ ПИСАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С ЛЕНИНЫМ В СЕРДЦЕ

Так озаглавлен поэтический сборник, изданный в Ленинграде к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. В нем публикуются новые стихи ленинградских поэтов и переводы произведений поэтов братских советских республик и зарубежных стран.

В создании сборника приняли участие более пятидесяти авторов.

К ленинским дням вышел и другой большой сборник — «Вечно живой». Под названием сборника — расшифровка: «Владимир Ильич Ленин в художественной литературе».

ИТОГИ КОНФЕРЕНЦИЙ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

На заседании секретариата ленинградской писательской организации обсуждены итоги 7-й межобластной конференции молодых авторов. Конференция показала большой творческий рост литературной молодежи. Среди обсуждавшихся книг и рукописей — немало интересных произведений. Произведения 51 молодого писателя рекомендованы для опубликования.

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Литературный вечер «Сатира и юмор в произведениях ленинградских писателей» проведен в Доме писателя имени В. В. Маяковского. На этом вечере с молодыми строителями, слушателями университета культуры, встретились писатели В. Алексеев, Л. Гаврилов, Л. Карасев, Б. Тимофеев, С. Фогельсон.

Большие литературные вечера были проведены в клубе писателей для слушателей молодежного университета культуры завода «Большевик» и для молодежи Ленинградского металлического завода.

Все более частыми гостями в писательском клубе становятся ученые, деятели культуры, народного хозяйства. Лауреат Нобелевской премии академик И. Тамм выступил с сообщением «О некоторых фундаментальных проблемах теоретической физики». Н. Тимофеев-Лисовский рассказал о работах советских и зарубежных исследователей в области биофизики.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ПОЭТА

В Ленинграде состоялся вечер, посвященный творчеству Владимира Луговского. О жизненном пути поэта рассказал В. Орлов. Поэты О. Берггольц, М. Луконин, В. Урин, А. Прокофьев, В. Азаров, Н. Браун, М. Дудин, Е. Рывина и другие прочли стихи, посвященные В. Луговскому, поделились воспоминаниями о встречах с ним.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

ДРАГОЦЕННАЯ ПОЧТА

...Живет он в самом центре столицы — на улице Мархлевского, работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте железнодорожного транспорта. Сколько лет все тот же маршрут: две остановки на метро, одна — на электричке...

Сколько лет все тот же маршрут, а сегодня ведет себя, будто первый раз под землю спустился: постучал ребром ладони по обивке стены вагона, попытался просунуть палец между створками двери — остался доволен: отличная пневматика.

Сидит недолго. Снова срывается с места, подходит к металлической дощечке, прибитой над тамбурной дверью.

«Мытищинский машиностроительный завод».

Машиностроительный завод — туда он сейчас едет. За час до этого перебирал свои архивы, перелистывал: о чем рассказывать молодежи? Вот вырезки из «Правды», из газеты «За индустриализацию», из мытищинской газеты «Пролетарий». Давно эту вырезку не видел, ишь как назвали его тогда — «американец». Чудаки... Вот выписка о награждении орденом Трудового Красного Знамени — это 25 лет назад за первый вагон метро, а это? Вот с чего надо начинать.

«Для определения стажа работы тов. Травина Петра Ивановича, сообщаю, что он известен мне как работник русской железнодорожной миссии в США, активно работавший в период 1917—1919 гг. по связи РСФСР с Америкой и в конце 1918 года успешно осуществивший доставку письма В. И. Ленина к американским рабочим, помещенного в XXIII томе 3-го издания сочинений В. И. Ленина...

М. М. Литвинов,
член ВКП(6) с 1898 г.
партбилет № 2718650».

Одиннадцать лет прожил за границей, скрываясь от царской охранки, Петр Иванович Травин (подпольная кличка Слетов). Кем только не был: плотничал, мыл посуду в ресторане, потом перешел на транспорт. Но едва дошла весть о Февральской революции в России, дня не мешкал — на родину!

...Закрой глаза — и покажется, что в маленьком зале молодежного общежития Мытищинского машиностроительного завода никого нет. А зал набит битком.

Петр Иванович рассказывает о том, как через несколько дней после приезда в Москву его вызвали к Воровскому.

Вацлав Вацлавович говорил о том, что в Соединенные Штаты надо доставить письмо Ленина. Американский рабочий класс должен знать правду о Советской стране.

Думал — завтра же в дорогу, а отправился только осенью 1918 года, когда пошло на поправку здоровье Ильича и отраднее стали вести с фронтов.

Бережно свернул в трубочку несколько газет — серые, с прожилками опилок страницы, и словно не краска, а сами буквы прилипают, горят на ладонях: «Белогвардейское восстание в Москве убито в зародыше!»... «Рабочие и крестьяне! Организуемся для борьбы с буржуазной контрреволюцией!», «Гоните врага из Самары и Уфы, через Урал! Похороните его в сибирской тайге!».

Взял также Конституцию РСФСР, новый кодекс о браке и семье (пусть не распускают там небылиц о национализации женщин и детей!), декреты о земле и мире (пусть знают, не о войне думаем — о мире!), текст красной присяги.

Немало испытаний выпало на долю Травина, прежде чем он оказался в Нью-Йорке. Письмо Владимира Ильича было передано в пролетарскую печать, и вот зазвучали пророческие слова:

«Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды **есть**, они **многочисленнее**, чем наши, они зреют, растут, крепнут...

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция».

Вскоре «Письмо к американским рабочим» было выпущено отдельной брошюрой. Но как быть с остальными документами?

Петр Травин решил встретиться с Джоном Ридом.

— Я его встретил впервые в Чикаго на митинге, он тогда возглавлял американский Комитет борьбы за признание Советской России. — Факты, только факты — вот что важно сейчас, — сказал он мне после митинга, — люди должны знать правду о вашей стране, они сами во всем разберутся.

Рид и Травин приехали к сенатору от республиканцев Джонсону. Джонсон не мог устоять против той «сенсации», которая оказалась в его руках. Он упомянул о полученных документах в одном из своих выступлений. Газеты подхватили его слова, и вскоре в солидных буржуазных изданиях появились тексты первой Советской Конституции...

Как смеялся Владимир Ильич, когда по возвращении на Родину Травин рассказал ему об этом случае... Ленин подробно расспросил Петра Ивановича о поездке, интересовался, чем он собирается заниматься дальше.

— Я инженер, хотелось бы работать по специальности.

Мечта Травина исполнилась. И в 1920 году он снова встретился с Владимиром Ильичем на заседании Совета Труда и Обороны, когда обсуждался вопрос о строительстве завода сельхозмашин в Саратове. Немало вопросов задал тогда Ленин Травину — главному инженеру и политкомиссару этого завода.

...Беседа окончена. Гурьбой провожает молодежь Травина. Он поднимается на железнодорожный мост, молча оглядывает россыпь огней внизу.

...Он стоит у перил, вглядываясь в бесчисленные огни города, и чуть слышно напевает — это всегда, когда волнуется...

Я. БЕЛИЦКИЙ, Л. МАРГОЛИН

ЛЕНИН В ЖИЗНИ АМЕРИКАНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Элизабет ГЭРЛИ ФЛИНН,
вице-председатель Национального Комитета Коммунистической партии США

КОГДА в 1917 году в России совершилась революция, имя Ленина не было еще хорошо известно в Америке. Даже среди американских социалистов мало кто слышал о нем. Тем не менее весть о свержении в России царя была встречена широкими народными массами нашей страны с огромным энтузиазмом. В годы первой мировой войны в Соединенных Штатах большой размах получило антивоенное движение, а русская революция подавала надежду на то, что вскоре будет заключен мир.

Начиная с 1905 года в Америке неоднократно предпринимались попытки протянуть руку помощи русскому народу. Первой демонстрацией, в которой я — тогда еще совсем юная девушка — приняла участие, была демонстрация протеста по поводу «кровавого воскресенья». В 1906 году к нам в Америку для сбора средств на дело революции приезжал Максим Горький. В 1907 году в «Карнегихолл» в Нью-Йорке состоялся митинг, организованный «Друзьями русской свободы» с тем, чтобы «выразить возмущение и выступить в поддержку борьбы за свободу в России». С участниками митинга солидаризировались многие видные представители американской интеллигенции того времени, в том числе Марк Твен и Джулия Уорд Хоу — автор «Боевого гимна республики».

Октябрьская социалистическая революция в России открыла новую эру в истории человечества, неразрывно связанную с именем Ленина. Ленин стал известен нам как «премьер-министр советской социалистической республики», с чьим именем связаны декреты о демократическом мире; об отмене помещичьей собственности на землю; об установлении рабочего контроля над производством; об образовании Советского правительства.

Мы запоминали новые слова, теперь прочно вошедшие в лексикон всех народов мира, — такие слова, как «Совет», «большевик». Магической силой обладало слово «большевик». Для нас оно символизировало первую страну социализма и народ, свободный от капиталистической эксплуатации. Выдающийся руководитель американского социалистического движения Юджин Дебс, находившийся в то время в тюрьме, выразил обуревавшие всех нас чувства в следующих словах: «Я большевик с головы до ног!». Все, что было связано с Лениным, вызывало в народе большой интерес.

В 1918 году мы впервые познакомились с работой, принадлежавшей перу Ленина. То была его брошюра о Советах, изданная Рэндовской школой социальных наук (социалистической). Научным руководителем этой школы был Александр Трахтенберг. Молниеносно разошлось около миллиона экземпляров этой брошюры. Товарищ Трахтенберг, ветеран Коммунистической партии США, писал в предисловии к этой работе: «Ленина увлекает не романтическая сторона советской революции. Дело идет о готовности и желании рабочих создать новый строй, который оказался бы не карточным домиком, а грандиозным зданием, построенным на прочной экономической основе». Выход в свет этой ленинской работы был для нас праздником: она помогла нам осознать величие задач и всю сложность проблем, связанных с построением социализма.

Другие работы Ленина, в частности «Апрельские тезисы» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» в переводе на английский язык, поступили к нам из-за границы. Помню, как наш славный товарищ Роберт Майнор, большой художник, оратор и писатель, с энтузиазмом распространял работу Ленина «Государство и революция». Экземплярами этой брошюры были набиты все его карманы.

Но самое большое воздействие на социалистические и другие революционные силы Америки оказал труд Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». То, что говорилось в этом труде, непосредственно относилось и к нашему американскому революционному движению, особенно же к тем из нас, кто занимал синдикалистские позиции и солидаризировался с союзом «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). У нас было смутное и схематическое представление о социализме. Убежденные в том, что капитализм может быть уничтожен в результате перехода промышленности в собственность рабочих, мы пренебрегали политической борьбой и игнорировали государство, которое должно «отмереть».

Мы клеймили презрением Американскую федерацию труда как реакционную организацию и пытались сокрушить ее путем создания параллельных профсоюзов, так же, как и путем вовлечения в наши профсоюзы неорганизованных рабочих. В таких главах своего труда, как «Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?» и «Участвовать ли в буржуазных парламентах?», Ленин решительно осудил наши ошибочные взгляды. На оба эти вопроса он отвечал решительным «да».

Многие из тех, кто ранее отвергал политическую организацию и «пробуравливание изнутри» профсоюзов (существовал такой иронический термин), теперь, когда была доказана ошибочность этих сектантских установок, изменили свои взгляды и вступили в Коммунистическую партию. Вступали, конечно, в Коммунистическую партию и те, кто не совершал подобных сектантских ошибок. Среди них были Уильям З. Фостер и Уильям Д. Хейвуд. Фостер еще ранее выступал за то, чтобы представители левого крыла вернулись в профсоюзы, к которым они могли бы принадлежать. Он доказал целесообразность своей точки зрения, когда в 1917—1918 годах вместе с комитетом АФТ руководил кампанией за создание профсоюза работников мясоконсервной промышленности и большой забастовкой в сталеплавильной промышленности. Однако левое крыло было настроено скептически и оставалось глухим к призывам Фостера. Мы находились тогда во власти идеи параллельного профсоюзного движения, от которой не так-то легко было освободиться. К великой радости Фостера его взгляды совпали с тем, что рекомендовал Ленин. Только советы Ленина, по словам Фостера, «были выражены в гораздо более четкой и энергичной форме».

«...Борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону», — писал Ленин, подчеркивая, что «...вся задача коммунистов — уметь **убедить** отсталых, уметь работать **среди** них, а не **отгораживаться** от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами». Вчитываясь в эти строки, я вспоминаю, как после блестяще проведенной в 1912 году стачки текстильщиков в городе Лоуренсе (штат Массачусетс) профсоюз, входящий в ИРМ, был затем разгромлен теми же самыми священниками и проповедниками, которые не смогли в свое время сорвать забастовку. Козырь в руки клерикалов дала группа бостонских анархистов, которая вышла на организованную ИРМ демонстрацию в Лоуренсе под знаменем, на котором было начертано: «Ни бога, ни хозяина!». К несчастью, большинство рабочих было верующими.

Труды Ленина помогли американским коммунистам стать на путь массовой борьбы — посредством организации забастовок, кампаний по вовлечению новых членов в профсоюзы, демонстраций миллионов безработных в 30-е годы. Хотя многие члены ИРМ и синдикалисты вступили в Коммунистическую партию, приходится сожалеть о том, что организация ИРМ не смогла приспособиться к новой международной ситуации и извлечь урок из русской революции. ИРМ, которая с 1905 года поднимала массы, боролась против войны, подверглась жестоким преследованиям. Она, по меткому выражению Фостера, зачахла в «бесплодной пустыне синдикализма».

Еще важнее, пожалуй, был тот факт, что мудрые указания Ленина, данные им в 1920 году, помогли тем из нас, кто вышел из среды социалистов и был убежден в гибели капитализма, осознать, что одной экономической борьбы рабочих недостаточно, что необходимо принимать участие в политической борьбе. Оглядываясь назад, просто диву даешься, что в такой стране, как наша, где классовая борьба носила столь острый характер, где все силы государства были брошены на подавление рабочих, мы могли игнорировать это.

Труды Ленина сыграли неоценимую роль в деле внесения ясности в наши взгляды. В свете таких обстоятельств, как свирепствовавший в России голод, блокада, происки иностранных государств, угроза войны, саботаж и т. д., имевшее хождение в анархистских и синдикалистских кругах представление о том, что Советы чуть ли не сразу же распустят свою Красную Армию и что в России в самом скором времени создастся безгосударственное общество на кооперативной основе, выглядело сумасбродной фантазией.

До Октябрьской революции многие наши представления о социализме, о характере социалистического общества были, как вы сами можете судить, крайне утопичными. Мы собирались создать совершенные профсоюзы, в которых видели зародыш нового общества. Мы всячески поносили тех социалистов, которые выставляли свою кандидатуру на государственные должности или занимали их; мы пытались заменить организацию и опыт боевым темпераментом и агитацией; нашей тактике не хватало гибкости, — одним словом, у нас были все симптомы болезни, диагноз которой поставил Ленин.

Во всех своих трудах Ленин доводил до сознания мысль о том, что для сохранения рабочими политической власти и построения социализма необходимы революционное государство и дисциплинированная, идейно монолитная коммунистическая партия.

Начиная с 1920 года американские коммунисты неустанно боролись за преодоление застаревших левацких уклонов в нашем движении. Временами мы ударялись в другую крайность. Но мы никогда не сбивались с пути, когда твердо держались заветов Ленина. Активное участие нашей партии в борьбе рабочих масс и всего народа, ее роль в борьбе за предоставление всех демократических прав негритянскому народу, в создании и защите профсоюзов, в войне против фашизма и всех форм реакции у нас в стране, борьба нашей партии за мир (которая в годы «холодной войны» навлекла на нашу партию жестокие преследования) — все это красноречиво говорит о нашей твердой решимости стать подлинной партией социализма, партией ленинского типа.

Мы, американские коммунисты, вместе с нашими друзьями во всем мире отмечаем 90-летие со дня рождения В. И. Ленина. Его мудрое учение, светлая жизнь, героические дела постоянно вдохновляют и направляют нас в борьбе за мир и социализм.

НЬЮ-ЙОРК

ВЕРНЫЙ КОМПАС

Георгий КУБЛИЦКИЙ

Бандунг

МНЕ СНОВА вспоминается рабочая окраина Багдада вскоре после революции в Ираке. У закрытого по случаю мусульманского праздника магазина несколько юношей, рассевшись на стульях и ящиках из-под товара, спорили с обычной горячностью арабов. По-видимому, спор вызвали книги, ходившие по рукам.

В Ираке с грамотностью еще плохо-вато. Чтение вслух на улицах — дело обычное. «Можно?» — и я завел затвор фотоаппарата. Парни закивали головами, но переменили позы, и естественность, непринужденность исчезли. Они упрямо поднимали книги так, чтобы была видна непонятная мне вязь арабских букв на обложке.

— Ленин, — сказал один из парней, по-видимому, студент.

...Через всю жизнь Владимира Ильича проходят напряженные раздумья о путях и судьбах народов, стонавших в колониальном рабстве. Об этом задумывался гимназист Володя Ульянов, у симбирской хлебной пристани долго расспрашивавший едва говорившего по-русски грузчика-иранца о жизни на Востоке. И об этом же размышлял вождь трудящихся всего мира, готовясь диктовать свою последнюю статью, тяжело больной. В этой статье Владимира Ильича, озаглавленной «Лучше меньше, да лучше», как бы подведен итог титанической работе ленинской мысли над жгучей проблемой, верное решение которой означает поворот в судьбах сотен миллионов людей. И Ленин дает гениальное определение неизбежности вполне и безусловно обеспеченной победы социализма в мировом масштабе на основе успехов социалистического строительства в России и борьбы колониальных народов против империализма.

Ленин завещал нам крепить дружбу с Востоком. Он говорил о монголах, персах, индийцах, египтянах как о тех угнетенных и отсталых народах, с которыми мы должны сблизиться, оказывать им бескорыстную помощь. Это было сказано еще до выстрела «Авроры», в ту пору, когда Россия сама знала угнетение и отсталость. Но уже тогда в наших природных богатствах, в запасе человеческих сил, в прекрасном размахе, который даст народному творчеству социалистическая революция, Ленин видел грядущую могучую, обильную Русь, способную протянуть руку братской помощи другим народам.

Эти народы раньше правителей почувствовали, какие великие перемены несет миру революция в России. Под стеклом витрины двенадцатого зала Центрального музея В. И. Ленина лежит легкая трость из благовонного сандалового дерева. Двенадцатый зал — это рубеж грозного девятьсот восемнадцатого и не менее грозного девятьсот девятнадцатого. Через заслоны блокады, через грохочущие фронты, через пораженную голодом и разрухой страну сандаловую трость привезли недавно оправившемуся от тяжелых ран Владимиру Ильичу посланцы народов далекой Индии.

Глядя на нее, вспоминаешь другой, совсем недавний подарок индийцев: кусок стали из первой плавки Бхилайского завода. Между двумя подарками — немногим больше четырех десятилетий, но эти десятилетия составили эпохи в жизни обеих стран. В куске металла — овеществленное выполнение ленинских заветов о сближении с народами Востока, об оказании им бескорыстной помощи.

Выступая во время недавней поездки по странам Юго-Восточной Азии, Н. С. Хрущев говорил, что, неизменно следуя ленинским заветам, мы видим свой интернациональный долг в том, чтобы помочь народам, сбросившим политическую власть колонизаторов, окончательно освободиться от всех пут зависимости, ликвидировать экономическую отсталость, добиться социального прогресса и процветания.

Каждый день в советских портах поднимают якоря груженые корабли; бегут к пограничным станциям составы; отрываются от бетонных дорожек самолеты. Двести пятьдесят адресов напишут на ящиках с оборудованием, двести пятьдесят мест назначения назовут людям, в карманах которых — заграничные краснокожие паспорта.

Двести пятьдесят строек на огромных пространствах пробудившейся Азии и Африки поднимутся с нашей помощью — и это такие стройки, которые приносят радостные перемены в жизни народов. Двести пятьдесят близнецов Бхилаи в разных отраслях экономики дружественных стран, вставших на путь самостоятельного развития!

Этих стран с каждым годом становится все больше и с каждым годом растет их влияние. Сбывается предвидение Ленина: за периодом пробуждения Востока наступает период участия его народов в решении судеб мира.

Пять лет назад впервые собравшиеся в Бандунге представители 29 стран Азии и Африки провозгласили свою решимость бороться за уничтожение колониализма, этого черного пятна, этого позора человечества. На земле освобожденной Индонезии они торжественно провозгласили миролюбивые принципы отношений между странами, принципы, перекликающиеся с ленинскими положениями о мирном сосуществовании.

Отмечая в обстановке победы духа Бандунга пятилетие исторической конференции, советский народ подтвердил свое искреннее желание и впредь крепить дружбу с народами Востока так, как это завещал нам Ленин.

ПАРНИ рабочей окраины Багдада с книгой Ленина... В те дни, полтора года назад, ленинское слово только что вышло в Ираке из подполья, чтобы зазвучать на улицах. Немногим раньше имя Ленина на обложке книги было бы уликой, достаточной для того, чтобы королевские судьи бросили человека, читавшего такую книгу, в каменный гроб печально знаменитой тюрьмы Нукрат ас-Сальман.

Но иракская революция пересадила слуг колонизаторов от судейского стола на скамью подсудимых; пламя очистительного пожара взметнулось над кровлей королевского дворца; перепуганные феодалы, спрятав в тайниках запасы оружия, потянулись к границам. И в этой новой, сложной, полной противоречий обстановке рабочая окраина Багдада обратилась за советом к Ленину.

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба парней, читавших бессмертные строки. Их ждали впереди не только радости мирного труда; их ждали и жестокие схватки с мятежниками, хотевшими вернуть старое. Но ясно одно: на крутом перевале исторической судьбы своего народа, среди бушующих волн политических страстей в руках парней на рабочей окраине Багдада оказался надежный компас, по которому миллионы людей находили, находят и будут находить путь к осуществлению самой высокой и светлой мечты человечества.

Жить в мире, без войн!

Ахмад АББАС,
индийский писатель

«МЫШЛЕНИЮ Ленина были чужды сомнения и неопределенность, — пишет Джавахарлал Неру в своей широко известной книге «Беглые очерки мировой истории». — Его проницательный взор безошибочно распознавал настроения масс; его ясный ум обладал способностью применять на практике глубокие теоретические положения с учетом меняющейся обстановки; его несгибаемая воля вела к заранее намеченной цели...»

Великому Ленину Неру посвятил и такие слова: «Он живет не в памятниках, не на картинах, а в своих славных делах и в сердцах сотен миллионов трудящихся, для которых его пример служит ныне источником вдохновения и надежды на лучшее будущее».

Вдохновляющий пример Ленина и ленинское учение оказали колоссальное влияние на наше национально-освободительное движение.

Одной из прекрасных идей, сформулированных Лениным и завещанных им всему миру, была идея мирного сосуществования между социалистическими и несоциалистическими странами. Знаменательным историческим событием было обращение В. И. Ленина сразу же после революции ко всем странам, в том числе и к воевавшим против царской России, с предложением заключить мир.

Революционер, обладавший оптимистическим мировоззрением, Ленин твердо знал, что возникшая в России новая общественная система, преследующая мирные созидательные цели, в конечном итоге продемонстрирует всему миру свое превосходство.

Эта ленинская идея лежит в основе отстаиваемой советским премьер-министром Н. С. Хрущевым динамической концепции мирного сосуществования и соревнования между социалистическим и несоциалистическим миром. Та же самая идея нашла свое выражение в «пяти принципах» (панча-шила), совместно разработанных в 1954 году представителями Индии и Китая Джавахарлалом Неру и Чжоу Энь-лаем и предложенных ими всем странам в качестве вернейшей гарантии мира. Эти принципы прозвучали в Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству, принятой на Бандунгской конференции, пятую годовщину которой отмечают сейчас все миролюбивые народы. Идеи Бандунга живут и побеждают, сплачивая народы в тяжелой и упорной борьбе с колонизаторами.

Индия играла и продолжает играть важную роль в осуществлении политики мирного сосуществования. Благодаря руководству Ганди и Неру для индийского национально-освободительного движения стало традиционным относиться с дружеской симпатией к прогрессивным движениям и к социалистическим странам.

Вполне естественно поэтому, что, когда Индия добилась независимости, Неру положил в основу своей внешней политики принцип неучастия в каких бы то ни было блоках. Для того чтобы развить свою экономику с помощью современной техники, освободившаяся из-под гнета страна нуждается в поддержке промышленно развитых стран. Отсюда явствует, что политика неучастия в блоках вовсе не означала отгораживания Индии от других стран. Наоборот, это была политика позитивного сотрудничества со всеми странами, которые изъявят желание дружить и сотрудничать. Индия провозгласила и доказала на деле, что она готова поддерживать дружеские отношения со всеми странами и принимать помощь от любого источника, если только предоставление этой помощи не связывается с какими бы то ни было политическими условиями. Индия не может позволить, чтобы иностранная помощь оказалась оковами для ее независимого образа мыслей и действий. Это оскорбляло бы национальное чувство собственного достоинства и противоречило бы ее внешней политике.

Как подчеркнул недавно Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, почти по всем вопросам укрепления мира, которые обсуждаются в ООН, а также по многим другим международным вопросам Советский Союз никогда не расходился с Индией.

Стремление Индии к установлению самых тесных культурных и экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами не мешает ей поддерживать дружеские отношения с такими государствами Запада, как США, Англия и Франция.

В Индии мирно сосуществуют и даже сотрудничают люди, представляющие две общественные системы. Индия развивает свою национальную экономику, пользуясь помощью нескольких стран. Один металлургический завод построен в Индии советскими специалистами, другие заводы — английскими и немецкими. Бок о бок на индийской земле работают нефтяники из СССР и Румынии (они бурят нефтяные скважины) и представители английских и американских нефтяных монополий, как, например, «Бирма-Шелл» и «Калтекс», построившие в Индии нефтеочистительные заводы. Индийские студенты изучают технические науки в университетах и институтах Англии, Западной Германии, США, а также СССР, Чехословакии и ГДР.

Н. С. Хрущев и Чжоу Энь-лай были первыми выдающимися государственными деятелями, посетившими независимую Индию. Однако вслед за ними в Индию были приглашены представители большинства крупных западных держав. За два месяца до того, как Н. С. Хрущев нанес свой вторичный визит в нашу страну, Индию посетил президент США Д. Эйзенхауэр. На состоявшейся недавно всемирной сельскохозяйственной выставке в Дели павильоны СССР, США и КНР стояли рядом — этот факт красноречиво говорит о том, что Индия следует политике мирного сосуществования. Эта политика дала Индии возможность развивать свою национальную экономику, не поступаясь при этом своей честью и независимостью. Это выгодно отличает ее от других стран, которые искали разрешения проблемы экономической отсталости не на пути мирного сосуществования, а на пути участия на правах подчиненных в военных блоках вроде СЕАТО и СЕНТО.

Десятки тысяч индийцев, как, например, металлурги Бхилаи; технические специалисты, обучавшиеся в Советском Союзе или в других социалистических странах; сельскохозяйственные рабочие Суратгарха, которых советские эксперты учили обращаться с гигантскими сельскохозяйственными машинами; нефтяники, помогавшие советским специалистам в Камбее, — в один голос утверждают, что социалистическая система и люди социализма превосходят капиталистическую систему и ее представителей.

Лично у меня нет никаких сомнений в том, какую систему изберет в конечном итоге индийский народ. Политика сосуществования позволяет народу Индии сделать этот выбор в условиях мира.

ДЕЛИ, апрель.

УЧЕНЫЙ-ПАТРИОТ

К 90-ЛЕТИЮ АБДУЛ ХАКА

«Отец урду» — так любовно народ Пакистана и Индии называет Абдул Хака, одного из крупнейших деятелей литературы на языке урду, 90-летие которого отмечается в эти дни. Вся жизнь доктора Абдул Хака неразрывно связана с деятельностью Ассоциации по развитию языка урду, руководителем которой он являлся в течение многих лет.

Еще в 1912 году Абдул Хак занял пост почетного секретаря Ассоциации, которая находилась тогда в г. Аурангабад. С приходом молодого энергичного секретаря Ассоциация значительно оживила свою работу. Она стала как бы направлять развитие литературы на языке урду в нужное русло. В течение последующих 25 лет Абдул Хак редактирует учебники и другие книги, одновременно занимаясь научно-исследовательской работой. В это время он написал ряд выдающихся работ по языку урду, его истории и литературе. Им были отредактированы и изданы произведения поэтов-классиков, опубликована антология поэзии на урду.

О взглядах Абдул Хака на литературу можно судить по его выступлению на конференции Ассоциации прогрессивных писателей Индии в 1936 году, председателем которой он был. В своем выступлении он отмечал: «Литература, как и любая другая область деятельности человека, обладает способностью к дальнейшему росту и прогрессу до тех пор, пока она является современной, новой и жизненной. А современность и новизна возникают тогда, когда перед нами стоит цель, базирующаяся на наших убеждениях и ради достижения которой мы готовы принести любые жертвы».

За время пребывания Абдул Хака на посту председателя Ассоциации, ею были изданы сотни книг по различным отраслям знания.

Сам Абдул Хак — автор ряда словарей, «Грамматики языка урду», а также около 15 других научно-исследовательских работ.

Абдул Хак много сил отдает пропаганде русской и советской литературы, выступает за развитие тесных дружеских связей между нашими странами. По его инициативе и благодаря его усилиям был впервые издан на языке урду двухтомник русской литературы, а также опубликованы переводы произведений Горького, Гоголя, Чехова.

С большой теплотой отзывается Абдул Хак о деятельности русских и советских ученых в области языка урду.

И сегодня того, кто посетит Абдул Хака в Карачи, поразит необыкновенная энергия этого седого, с чуть нахмуренным взглядом человека в пакистанской национальной одежде. Ученый-патриот, как и всегда, много работает, полон новых творческих замыслов. Помимо чисто научно-исследовательской работы, он отдает много времени созданию в Пакистане университета урду. Для этого ему приходится часто разъезжать по стране, доказывать необходимость создания такого университета, собирать для этого средства. Абдул Хак в свои 90 лет полон сил и желания работать на благо своего народа.

В. ТИТАЕВ

В ПАМЯТИ СЕРДЦА

БЛИЗИТСЯ годовщина большого исторического события в жизни советского и польского народов — 21 апреля. 15 лет назад, в дни, когда Советская Армия еще сражалась на польской земле, освобождая братский народ, между СССР и Польшей был заключен Договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. В этом Договоре выражена непреклонная воля наших народов всемерно укреплять нерушимый союз и братскую дружбу на основе ленинских принципов пролетарского интернационализма. Польско-советский союз хорошо служит делу взаимной помощи наших народов, единству всего социалистического лагеря.

Подписанию Договора предшествовала одна из крупнейших битв второй мировой войны — январское генеральное наступление Советской Армии против гитлеровских орд. И первым его результатом было освобождение Варшавы. В апреле 1945 года гитлеровцы были изгнаны с польской территории.

Подписанию Договора, ставшего поворотным пунктом в истории взаимоотношений Советского Союза и Польши, предшествовали и другие важные события, о которых стоит вспомнить сейчас, накануне 15-летия Договора.

...Весна 1943 года. В Москве образовался Союз Польских Патриотов, возглавленный писательницей Вандой Василевской и общественным деятелем Польши Альфредом Лямпе. То были дни, наполненные добрыми делами и большими ожиданиями. Сотни тысяч поляков, чью жизнь исковеркало гитлеровское вторжение в их страну, давно ждали этого момента. Они жаждали действий, надеясь встать плечом к плечу с Советской Армией, чтобы громить общего врага, с помощью СССР освободить измученную родину.

В своей книге «Из блокнота военного корреспондента» польская писательница Янина Броневская, подруга и товарищ Ванды Василевской по общему делу, приводит любопытное письмо Тадеуша В., поляка, нашедшего в те годы приют в СССР. Он писал: «...Надо поставить вопрос ясно и твердо. Сегодня, когда весь мир сотрясается, когда близится момент расчета с гитлеровцами, когда все прогрессивное и человеческое на всех континентах, во всех странах ринулось в бой, мы не хотим быть пассивными... Мы не считаем, что обязательно надо сражаться в песках Африки или фиордах Норвегии. Из Великих Лук гораздо ближе к родине, чем из Тобрука... Нам казалось, что Польская Армия ждет лишь исторического момента своего выступления... Нет, она не ждала здесь этого момента... А раз так, то пойдем самым прямым путем...

Надо, чтобы нашелся кто-то, кто сформирует части той польской армии, которая прямой дорогой — через Великие Луки и Украину — принесла бы на родину польское знамя с лозунгом «За вашу и нашу свободу»...

Самое время создать эту армию. О ней молят, о ней думают многочисленные группы поляков, которые в честной работе на пользу Советского государства видели путь к восстановлению и воскрешению Польского государства...»

Знаменательное письмо! В нем — чаяния всех честных поляков, которым советский народ в тяжелые для Польши дни оказал гостеприимство.

Письмо это, как пишет Я. Броневская, «было началом лавины» подобных же требований. Тадеуш В. отнюдь не даром упомянул об Африке и фиордах Норвегии. Та «Польская Армия», которая «не ждала здесь», то есть в СССР, «исторического момента своего выступления», была пресловутой армией Андерса, который подлым образом обманул и своих земляков, и советский народ, уведя армию в Иран.

В 1943 году решением Советского правительства горячее желание большинства поляков создать на территории СССР новую боевую силу для скорейшего освобождения Польши было удовлетворено. Союз Польских Патриотов занялся организацией такой армии, способной осуществить чаяния польского народа. Со всех концов СССР потянулись в новые формирования польские патриоты.

В Сельцах на Оке в мае 1943 года возникла 1-я польская дивизия имени Тадеуша Костюшко — легендарного национального героя Польши. А 12—13 октября того же года под Ленино на Смоленщине дивизия вступила в бой. О том, как сражались наши польские братья, лучше всего свидетельствует тот факт, что в результате только одной этой битвы 250 польских солдат и офицеров были награждены орденами и медалями СССР, а трем воинам присвоено звание Героя Советского Союза!

Позднее, ввиду огромного наплыва поляков-добровольцев, дивизия имени Т. Костюшко была преобразована в 1-й Польский корпус, а затем и в 1-ю Польскую Армию в СССР. Вскоре на территории СССР начала комплектоваться 2-я Польская Армия.

Созданные на советской земле части стали основой, на которой позже возникло Войско Польское — ныне верный страж безопасности и границ суверенной Польской Народной Республики. Польские воины снискали себе уважение и любовь советского народа. Вместе с советскими частями они вошли в Берлин.

Многое изменилось с тех пор. Осуществилась мечта Тадеуша В. и миллионов его соотечественников — свобода пришла в Польшу с Востока. Польша — впервые в истории — стала подлинно народной, сильной, суверенной. Она уверенно идет по социалистическому пути. К голосу Польши прислушиваются сейчас во всем мире. Она по праву заседает в Комитете десяти, призванном решить проблему всеобщего разоружения. Польская Народная Республика неизменно вносит свой вклад в дело мира во всем мире.

Я. НЕМЧИНСКИЙ

Правление Московского отделения Союза писателей РСФСР с глубоким прискорбием извещает о смерти старейшего литератора, члена Союза писателей СССР с 1934 года

ВЕЛЬТМАНА Соломона Лазаревича,

скончавшегося на 77 году жизни, и выражает соболезнование семье покойного.

Вынос тела из квартиры (Гоголевский бульвар, 29, кв. 16) — 19 апреля в 17 часов.

Гражданская панихида состоится в крематории в 18 часов.

Следующий номер «Литературной газеты» выйдет в пятницу, 22 апреля.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат—К 4-04-62, отделы: русской литературы—Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства—К 4-84-28, информации—К 4-08-69, писем—Б 1-15-23, издательство—К 4-11-68, Коммутатор—К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—02493